

Anna Karenina

Марта Кетро
КНИГА ОБМАНОВ

*Книжка
для
детей
и
молодежи
1984*

Марта Кетро
Книга обманов (сборник)

«АСТ»

2011

Кетро М.

Книга обманов (сборник) / М. Кетро — «АСТ», 2011

Героини этой книги относятся к обману очень серьезно, видя в нём творческий акт, средство для укрепления хрупкой реальности или инструмент власти. Путь Лжеца кажется им героической стезёй и единственно верной дорогой для художника. Но раньше или позже каждая из них догадывается, что главным делом её жизни стал обычный, отнюдь не героический, самообман. Эти женщины думают, что сочиняют романы и собственные судьбы, – но, по правде говоря, все они пишут одну и ту же книгу о несбывшейся любви. Они, в сущности, заняты извлечением своей души из темноты отчаянья, заворачивают в мягкое обожженное сердце, баюкают раненое самолюбие, – и пишут, пишут эту проклятую книгу, надеясь однажды освободиться от неё окончательно и сбежать – по белому снегу, по зелёной траве, туда, где не будет боли. В сборник вошли повести: «Такой же толстый, как я», «Жена-лисица», «Магички», «Знаки любви и её окончания».

© Кетро М., 2011

© АСТ, 2011

Содержание

Такой же толстый, как я	5
Предисловие	6
Глава 1	7
Глава 2	18
Глава 3	28
Глава 4	38
Глава 5	50
Глава 6	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Марта Кетро Книга обманов

Такой же толстый, как я

Предисловие

Однажды под утро приснился длинный и запутанный сон, который завершился непонятной, но тревожной сценой: будто сижу на полу в уголке, а ко мне медленно приближается крупный, во всех смыслах, современный писатель. Ничего не сделал, остановился и посмотрел, но отчего-то напугал до такой степени, что я вскрикнула, в ужасе взмахнула руками и опрокинула себе на физиономию полную чашку вчерашнего чая, стоявшую на столике около кровати. Это... это было очень интересное ощущение. С одной стороны, освежает – после жуткого душного сна. А с другой – проснуться в потоках прохладной воды, с волос течёт, как у Офелии, матрас и подушка насквозь... Но всё-таки вышло к лучшему, потому что в первую же секунду после пробуждения я придумала потрясающую историю о толстяках.

И почти сразу же поняла, что главную героиню должны звать Мардж, а действие будет происходить, допустим, в Северной Америке (или в любом другом месте, где большие пространства и нерусский менталитет). Поскольку я в подходящей стране никогда не была, событие пришлось перенести в недалёкое будущее – ну мало ли как за двадцать лет изменились ландшафты и нравы. Поэтому держите в уме: воображаемая Америка, плюс примерно двадцать лет, а так всё как обычно.

Глава 1

Одни люди мечтают что-то иметь, другие – кем-то стать, а третьи – что-то сделать. Мардж принадлежала к последней категории, она мечтала написать роман. Причём не какой-нибудь, а толстый. Очень толстый. «Такой же толстый, как я», так она говорила. Её писательская судьба в целом складывалась неплохо: первая книга получилась почти случайно, из серии новелл, не пришлось даже бегать по издательствам – редактор «Харпера» увидел в сети повесть «Невеста» и захотел посмотреть, «нет ли ещё». Далее шло как по маслу: небольшие, но верные тиражи тонких книжек в пастельного тона обложках обеспечили Марджори Касас приятную независимость и некоторую творческую свободу. Достаточно дважды в год отсылать издателю блок из дюжины рассказов о любви или эссе на вечную женскую тему – «чего бы ещё такого сделать, чтобы покорить мужчину». Успехом пользовались истории о толстушках, нашедших своё счастье, несмотря на несоответствие их форм глянцевым стандартам. Мардж могла многое порассказать об этом – дальние мексиканские предки наградили её ленивыми мягкими грудями, щедрыми бёдрами и крепкими основательными ногами. Только очень недоброжелательный человек мог обозвать её жирной, но к худышкам не причислила бы даже самая добрая душа. В некотором роде внешность повлияла на писательскую карьеру: ещё в университете Мардж поняла, что для интеллектуальной романистки она слишком хорошенькая и жизнерадостная, а для модной, увы, недостаточно высушена.

В литературной среде, славящейся широтой взглядов, на деле господствовал жесткий регламент, он определял, как должен выглядеть человек искусства, что именно есть на ужин и какие наркотики употреблять. Книга продаётся вместе с автором, который обязан соответствовать ожиданиям своего читателя. Пишешь чиклит – изволь одеваться в Европе, претендуешь на серьёзную прозу – но где твои очки, научнообразные речи и мерзкий характер, детка? Романтическая лёгкость – вот удел пухленькой весёлой женщины, безобразное чтение, как шутили её друзья-филологи.

– Не обижайся, но ты ведь понимаешь, что это ненастоящая литература? – ласково спрашивали они, и Мардж обречённо кивала.

Она чувствовала себя обманщицей, которая случайно получила звание писателя и однажды будет с позором разоблачена. Это ложное и необоснованное ощущение – её книги покупали и любили тысячи людей – Мардж изо всех сил старалась изжить. Она посещала литературные семинары, ходила к психологу, но в глубине души точно знала: не найти ей покоя, пока не напишет Настоящий Толстый Роман. Мардж грезил медленной прозой девятнадцатого века, избобилующей деталями и неспешными описаниями; интеллектуальными глубинами двадцатого и многослойным высококультурным пост-пост-пост-...-пост-модернизмом двадцать первого. Но, погружаясь в творческий процесс с самыми серьёзными намерениями, она неизменно выныривала, опустошенная и счастливая, с небольшой изящной книжкой – цельной, обаятельной, точной, – но тоненькой, тоненькой, тоненькой!

После очередного «поражения» Мардж поняла – дальше так продолжаться не может, надо либо вернуть самоуважение и утвердиться в профессии, либо уж махнуть рукой и признать себя коммерческим проектом, не более. Она всю осень и зиму трудилась, как лошадь, но сдала редактору две рукописи – короткую и очень короткую, как сама невесело шутила. Книги расходились так хорошо, что начались переиздания, и благодаря этому в её рабочем графике образовалось около восьми свободных месяцев, а на счете – некоторая дополнительная сумма. И Мардж решилась.

Она уехала из города и сняла надёжный одинокий дом, стоящий в десяти милях от ближайшего населённого пункта – крошечной придорожной деревни, обслуживающей заправку, супермаркет и «Макдоналдс». Это только сказка так скоро сказывается, в одну фразу, а на самом деле подготовка к переезду заняла два месяца. Мардж изучила полсотни предложений, осмотрела дюжину зданий, прежде чем сделала выбор. Учла даже самые мелкие детали – например, не поленилась выяснить, не разведётся ли в округе комарья, когда потеплеет. Мардж, городская женщина, боялась насекомых и не хотела, чтобы её отвлекали от работы. Она не желала пугаться каждого шороха по ночам, поэтому выбрала дом, защищённый и автономный, как образцовый военный объект. Отдельным пунктом требований был интернет – точнее, его отсутствие. Мардж не только потребовала отключить все кабели, пригодные для связи, но и с видом сурового лозоходца обошла обширный двор по периметру, держа перед собой ноутбук, – смотрела, не обнаружится ли какая сеть. Слишком хорошо понимала, как легко сбежать от тяжёлого труда, погрузившись на много часов в бесконечный мир виртуальных развлечений. От мобильной связи, конечно, не спрячешься, и Мардж решила, что будет держать заряженный, но отключенный телефон в кладовой, на крайний случай, если внезапно понадобится врач, например. А входящие звонки её не интересовали – дела с издателем улажены, родители уже много лет на том свете, а со своим непутёвым братишкой она не виделась четыре года, и в следующий раз после Рождества он позвонит на день её рождения, в июле. Что ж, ради праздничка не грех будет и мобильник включить.

Может показаться, что Мардж слегка свихнулась. Но у неё всего лишь лопнуло терпение. Она, наконец, захотела узнать правду – способно ли из-под её пальцев выйти что-то, кроме прелестных миниатюр. Потому что обманывать читателей и редакторов можно долго, но себе, себе-то врать нельзя. Да, ещё оставались друзья, которые будут скучать без неё, а она – без них. Теоретически. Потому что на практике никто ни в ком до такой степени не нуждался, чтобы зачахнуть от тоски за полгода. Перед отъездом Мардж устроила вечеринку для самых близких, которых, как оказалось, можно пересчитать по пальцам одной руки. Она стояла в углу небольшой гостиной и как-то отстраненно рассматривала людей, фланирующих по комнате с бокалами, расслабленно беседующих. Симпатичный, бритый наголо парень с татуированным черепом вообще уткнулся в компьютер, составляя плей-лист для этого прощального праздника, будто не замечая, что он давно начался. Его звали Марк, и он был прошлогодним любовником

Мардж. Когда она засела за работу, встречи сами собой сошли на нет – у неё почти не осталось времени, а он не умел и не хотел подстраиваться под чужой график. Сам-то Марк был настоящим свободным художником – свободным от общества, обязательств и денег. От родителей ему досталась светлая просторная мансарда в артистическом районе, одну половину которой занимала мастерская с обаятельным богемным беспорядком, а во второй почти всегда обитала какая-нибудь девушка, которая спала с Марком и не то чтобы снимала жильё, но оплачивала всякие насущные расходы. Он умел устраивать финансовые дела таким элегантным образом, чтобы никому не становилось неловко.

А с Мардж он встречался у неё дома, и она, пожалуй, даже гордилась, что к ней-то Марк точно не испытывает никакого корыстного интереса, только сексуальный. Марк почувствовал её пристальный взгляд, поднял голову, улыбнулся нежно, как только он один умел, и включил, наконец, музыку, одну из тех тягучих и нежных мелодий, под которую они так долго и сладко делали любовь прошлым летом. Он поднялся и обнял Мардж, прижав её теплую кудрявую голову к своему плечу. На мгновение показалось, что он сейчас, как тогда, начнёт осторожно снимать с неё одежду, неторопливо распуская бретельки и застежки вечернего платья. Но Марк лишь пританцовывал, крепко обхватив её двумя руками. «Если он сейчас скажет “останься”, что же мне делать?!» – вдруг испугалась Мардж. Она поняла, что не то чтобы готова, но рассматривает такую возможность – остаться, если он попросит. И это было очень плохо, потому что чистота намерения казалась ей главным условием успеха.

Она должна сосредоточиться на своей цели, а мужчина не может стать целью, когда тебе тридцать восемь лет. Другой человек вообще ничего не значит, когда твоя душа идёт по своему пути. Но когда Марк заговорил, он сказал совсем не то, чего она боялась:

– Ты молодец, Мардж, я горжусь тобой. Нужно быть ужасно смелой, чтобы прекратить делать то, что делала последние годы, и перейти на новый уровень, подняться над ремеслом и заняться Творчеством. – Он произносил это слово с явным нажимом.

Мардж думала примерно так же, но слегка обиделась на неуважение к её труду и неловко рассмеялась:

– Ну, мои книжки не совсем уж бездарны, правда?

– Конечно, дорогая, ты отличный рассказчик и могла бы всю жизнь развлекать женщин историйками о любви.

Но это не Творчество.

– А что такое творчество?

– О, это создание целого мира, погружение в иную реальность, из которой невозможно выйти прежней. Не трусь! – он торжественно поцеловал её в лоб.

– Спасибо, Марк, – почти искренне ответила она и отошла к другим гостям.

Энн, как всегда на вечеринках, стояла рядом с мужем – они всюду ходили вместе и, даже беседуя с другими людьми, держались за руки. Со стороны это казалось проявлением большой любви, но только некоторые друзья, вроде Мардж, знали, что виной всему невроз Энн. Она была ревнивой и тревожной настолько, что теряла самообладание, едва Феликс засматривался на незнакомку или выпивал лишний стаканчик виски в гостях. Он уважал особенности психики своей талантливой жены и соблюдал правила игры – тем более, когда Энн работала, он был совершенно свободен и мог развлекаться напропалую.

Энн писала длинные исторические романы, со множеством достоверных деталей и богатой культурной подложкой – разбуди её ночью и спроси, как выкроить аутентичный елизаветинский воротник, ответит не задумываясь. Иногда, впрочем, она безбожно путалась в самых простых вещах, героиня могла в начале романа быть блондинкой, а к концу небрежно откинуть с лица прядь цвета воронова крыла. Забавно, что редакторы, потрясённые энциклопедическими знаниями автора, часто пропускали такие ляпы (тем более Энн дралась из-за каждой правки как тигрица), а читатели, наоборот, находили и шумно радовались. Один из них

написал в сети, что давно уже покупает романы госпожи Редкинд только ради удовольствия наблюдать необъяснимые метаморфозы персонажей – изменение цвета глаз, роста, а то и пола: зеленщик ненароком превращался в зеленщицу, которая как ни в чём не бывало продолжала разговор, начатый её мужским воплощением двадцать страниц назад. Маленькая поджарая Энн по-своему любила Мардж, считала её добродушной толстушкой без Искры Божьей, зато не претендующей ни на славу, ни на Феликса. Наличие у Мардж писательских амбиций оказалось неприятной неожиданностью.

– Милая, ты, конечно, обязательно должна попробовать и всё такое, но умоляю, не мучай себя! Дай слово: если ничего не получится, ты вернёшься к нам через три месяца. Не хватало ещё тебе впасть в депрессию.

– Что делать, даже слоны иногда беснуются, – раздражённо повела круглым плечом Мардж.

– Не загоняй себя, малышка, – Энн вдруг всхлипнула и порывисто обняла её.

– Почему? Почему ты раньше не сказал мне, что всё так плохо?!

Библиотекарь шикнул на неё, как на курицу, и Мардж потянула Криса в коридор. Студенты, занимавшиеся за соседними столами, дружно отвели глаза и наострили уши, но Крис заговорил, только когда они вышли из здания.

– Детка, ты мне друг, но истина дороже! Когда я прочитал все твои розовые карамельные рассказы один за другим, то понял: тебя нужно спасать. Ты не без таланта, это понятно, но стоишь на лёгком пути, ведущем в никуда.

– Спасибо, – ответила Мардж, но Крис не заметил иронии.

– Рад помочь, детка, кто, если не я? Надеюсь, ты не в обиде? Ты выше пошлых бабьих истерик, правда?

Мардж кивнула. Она не хотела признаваться в том, как сильно была уязвлена, поэтому продолжила с ним общаться почти как раньше, разве что решительно отвергла сексуальные поползновения. В глубине души Мардж чувствовала себя преданной.

– Зазнаёшься, детка, – насмешливо отметил Крис, получив очередной отказ. Дело в том, что после ужасного двухмесячного молчания в нескольких журналах появились доброжелательные статьи, книгу признали удачной, и Мардж потихоньку взялась за вторую. Она не хотела обижать Криса и выглядеть задавакой, приглашала его на каждую презентацию и дарила новинки, о которых тот высказывался со сдержанным отвращением. С годами он становился ещё более язвительным и желчным, удача бегала от него, как от чумы, и чужие успехи раздражали всё сильнее. Тем не менее Мардж привыкла, что Крис где-то рядом, и, не задумываясь, позвала на прощальную встречу в узком кругу.

Крис поднял бокал и громко произнёс:

– Я хочу выпить за тебя, Мардж, за твою победу над розовыми соплями! Беги от бессмысленного городского шума и суеты в пустыню, вернись к мексиканским корням, припади к истокам. Иди же, босая, по горячим пескам своей внутренней Мексики навстречу восходящему солнцу. Пусть оно закалит твоё вялое тело и даст новые силы! Хайре! – Он выпил все одним глотком и картинно швырнул бокал в камин – на счастье.

Ошалевшая Мардж машинально глотнула вина и поперхнулась, долго не могла вдохнуть, Марк кинулся стучать её по спине, а молчаливая студентка откинула голову и неудержимо расхохоталась. Смех клокотал в её нежном белом горлышке, она всплескивала руками и была так соблазнительна, что Энн дёрнула заглядевшегося Феликса за руку, заорала неожиданным для её тщедушного тела баритоном: «Не пьяйся!» и вlepила ему звонкую пощёчину. На этой мажорной ноте вечер завершился. Мардж давно хотела завести котёнка, но в договоре аренды городской квартиры был пункт: «без животных». Иногда подумывала найти другое жильё, с более мягкими правилами, но всё не решалась покинуть привычное и сравнительно недорогое место. Теперь, перебираясь в дом, ужасно жалела, что некому охранять запасы от мышей. Дело

в том, что Мардж всерьёз решила уйти в затвор и минимум три месяца не выезжать со двора. Она знала, как это бывает: неделю-другую работа не клеится, а потом кончаются овсяные хлопья, ты садишься в машину, отправляешься в супермаркет и обнаруживаешь себя на другом конце страны, на побережье. Не то чтобы Мардж уже позволяла себе такие эскапады, но примерно представляла, как далеко способна убежать, если окажется перед лицом невыполнимой задачи. И потому составила огромный список самого необходимого, добавила немного лишнего и велотренажер в придачу.

Когда крепость была подготовлена к трёхмесячной осаде (а если говорить точнее и честней, к трёхмесячному тюремному заключению), Мардж переехала. До начала апреля оставалась неделя, начинать новую жизнь с двадцать четвёртого числа не хотелось, и Мардж решила хорошенько побездельничать. Горожанки уже переобулись в лёгкие туфельки, надели весенние плащи из новых коллекций и тёплыми розовыми вечерами выходили на улицы выгуливать наряды. А здесь, среди холмов, земля подсыхала медленно, в низинах ещё тянуло сыростью, но на солнцепёке зеленела трава, распускались глупые желтые цветочки, чьё название Мардж не помнила, – она любила город и много лет не покидала его в это чудесное время. Теперь просыпалась ранним утром, брала плед и уходила из дома. Выбирала местечко повыше и посуше, ложилась на спину и часами смотрела в бездонное небо, на белые облака и чёрных птиц. Потом переворачивалась на живот и разглядывала землю с любопытством инопланетной гостьи. Неизвестные насекомые быстро и равнодушно сновали возле самого лица, муравьи таскали куда-то соломинки и свою муравьиную еду – точно как она, когда набивала продуктами кладовую и рефрижератор. Травы тянулись к солнцу, и Мардж иногда прихватывала зубами кисловатые стебли, чувствуя себя великой белой коровой, пасущейся на вечных лугах. Она старалась запомнить медленный ритм природы, её парение, прорастание и вздохи, чтобы потом перенести эту музыку в текст. Она готовилась сплести плавные фразы, долгие, как зелёные косы древесных дев, томные, как полуденный жар, и полноводные, как ленивые реки равнин.

В глубине души Мардж понимала, что собирается написать довольно скучную книгу. То есть нет (она мысленно прикусывала язык... или прикусывала свой мысленный язык?), нет, на семинарах это называлось «плотная», или «барочная», проза, перенасыщенная метафорами и смыслами. Она больше не желала набрасывать характеры и портреты летучими штрихами, грезила о глубоко прописанных образах, уходящих к архетипам. Самое неприятное, что слишком точно представляла, какая это будет книга, но пока не знала – о чём. Имелось несколько сюжетов на примете, но все они казались легковесными для масштабного полотна, которое замыслила Мардж. Хотелось исторических экскурсов, мифологических корней и религиозных прозрений. Мардж отчаянно завидовала тем, кто способен не только написать пятисотстраничный том, но и сохранить до финала неколебимую серьёзность и мессианский дух, без которого, как известно, крупную вещь не сделать. Вспомнилась семнадцатилетняя девушка, представившая на обсуждение молодых литераторов огромный роман, над которым проработала три года. В нём, помимо людей, действовали архангелы, Сатана и Духи Стихий со сложными именами. Мардж запуталась уже во второй главе, но мужественно дочитала до конца. Текст был призван улучшить нравы и дать юношеству новую мораль, сказал автор во вступительной речи. Посему клеймились пороки современного общества, и особенный упор делался на половую распущенность. Когда очередь высказать мнение подошла к Мардж, она вздохнула и всмотрелась в писательницу: подростковая кожа, тёмные волосы, собранные в хвост, толстые очки.

– Дорогая, скажите мне для начала, вы невинны?

– Во мне бурлят страсти, – с достоинством ответила девушка.

– Но вы девственны в физическом смысле?

– При чём тут это?! – возмутился кто-то.

– Мне кажется, – мягко объяснила Мардж, – о некоторых вещах следует рассуждать, только когда понимаешь, о чём идёт речь. Я бы посоветовала автору на время оставить стран-

ствия духа и погрузиться в простые радости бытия. Поезжайте к океану, влюбляйтесь, выходите замуж, в конце концов. И не менее трёх лет, а лучше пяти, не прикасайтесь к прозе. Вкусите прелести телесной жизни (и я не имею в виду гамбургеры), одним наблюдением за кроликами сыт не будешь.

Случился дикий скандал, одна поэтесса-феминистка назвала позицию Мардж фаллоцентрической, часть группы покинула аудиторию в знак протеста, а руководитель семинара не смог вставить ни слова, потому что тихонько скисал от смеха, прикрыв лицо клетчатым платком. Сейчас Мардж не сомневалась, что её вызывающее заявление отчасти было продиктовано завистью. Девочка при всей наивности имела явные задатки подвижницы, а она, Мардж, не способна проникнуться великими идеями и, пожалуй, действительно несколько фаллоцентрична, если судить по той штуке, которая лежит в верхнем ящике стола у изголовья кровати. Мардж развеселилась, встала, сложила плед и побежала с холма в сторону дома. Ветер раздувал волосы, обнимал плотное тело и щекотал круглую жаркую шею.

Мардж мчалась обедать. Это была очень счастливая неделя, но Мардж ни капли не жалела, когда она закончилась. Кажется, нашёлся сюжет, достойный её амбиций. На мысль, как ни смешно, навела идиотская речь Криса насчёт мексиканских истоков. Мардж не взяла с собой легкомысленных книжек, чтобы не отвлекаться, зато привезла небольшую справочную библиотеку – мифы, учебники истории и популярной психологии, определитель птиц, энциклопедию материальной культуры, словари. В одном из томов обнаружилась индейская легенда о женщине-койоте. Мардж почувствовала, как по коже пробегает холодок, – пожалуй, её можно перенести на современный материал! И с этого момента уже ничего не боялась, а только волновалась и ждала, когда можно будет приступить к работе.

Та пубертатная романистка не так уж нелепа в своём пренебрежении плотскими радостями. Оказалось, что не родился ещё на свет любовник, встреча с которым вызвала бы трепет и предвкушение, сравнимые с тем, какие испытывала Мардж, приближаясь к своей новой книге. То есть лет до тридцати, возможно, и беспокоилась из-за мужчин, но переживания перед первым свиданием не шли ни в какое сравнение с нынешними тревогой и ликованием. Она уже была койотом, который крался в ночи по остывающей земле, катался в сырых листьях и воровал яйца из гнезда овсянки, свитого в невысоких кустах. Мардж пока ничего не знала о его нравах и пищевых привычках, но уже была койотом...

«Интересно, мои восторг и торжество означают, что я настоящий писатель, – размышляла Мардж, – или это всего лишь признак запущенной графомании? Но для графомана я пишу слишком медленно». Вспомнила Ребекку, с которой однажды поделилась сомнениями, самоуверенную мастерицу дамского романа, совершенную в своём роде, – она правильно одевалась, пила правильные коктейли в правильных заведениях и писала правильные книги, безупречно укладывающиеся в формат.

– Дорогая, – говорила Ребекка, закуривая конечно же правильную сигарету, – не делай из профессии культа. Не слушай ты этих немых филологов, которые за богоискательством не чувят запаха собственных грязных носков. Если у тебя качественный текст, который хорошо продаётся, кто ты после этого? Конечно, писатель.

– Но вот Агата Кристи, великая Агата Кристи... Она из Европы и давно умерла, – поспешила уточнить Мардж, заметив приподнятую бровь Ребекки, – сочинила множество отличных романов, но до конца своих дней не чувствовала себя настоящим писателем. Домохозяйкой, фармацевтом, археологом – да, а когда речь заходила о литературной работе, всегда смущалась.

– Ну и дура, – заключила Ребекка, – а ты делай своё дело и ни на кого не обращай внимания.

В конце концов Мардж отбросила рефлексию: «Не знаю, что там насчёт настоящего писателя, но эту книгу я закончу». Героиня с каждым днём становилась отчетливее, будто выходила из тумана, и Марджори ждала, притаившись, как женщина, которая только узнала о своей беременности и каждую минуту прикасается к животу – в изумлении. Она уже решила, как будут звать её девочку. Конечно же Долли. Так уж вышло, что поначалу она давала это имя всем главным героиням, а потом, шлифуя текст, меняла его, чтобы не сбивать с толку читателей. Впрочем, по одной Долли в каждой книжке она оставляла. Критики, в конце концов, заметили и стали задавать шуточные вопросы: неужели среди всего многообразия имён автор не может найти ничего нового и не подарить ли ей антропонимический словарь? Мардж придумала для публики подходящее объяснение: характер человека во многом определяется тем, как звучит его имя, и чем больше вариантов, тем интереснее и сложнее может быть личность. Женщина Долли, выросшая из крошки Ло, отличается от той, которую в детстве называли Лолитой или Долорес. И ей, Мардж, интересно прятать под одной и той же маской страстную Лолу, флегматичную Олли или нежную русоволосую О-лень-ку, как говорят иммигранты из Восточной Европы.

А правда «не для печати» была проще и забавнее и восходила к ранней юности Мардж, к её первой страсти. В восемнадцать лет она бурно, до беспамятства влюбилась – не в мальчишку-ровесника, а в настоящего взрослого мужчину с прошлым. Брюсу уже исполнилось двадцать четыре, в его глазах читалась неизбывная печаль, унаследованная от еврейского дедушки и меланхолической бабушки-славянки. Честная американская кровь несколько разбавила загадочный коктейль, но не превратила интернациональное дитя в простого здравомыслящего парня, который ничем не смог бы удивить Мардж. О, Брюс действительно поразил её воображение. Глубины его души казались непостижимыми. Впервые этот человек потерял голову в двенадцать лет, просматривая прошлогодние фотографии своего класса, сделанные во время поездки в Диснейленд. Среди других детей была темноглазая девочка Долли, которую, разглядывая в максимальном увеличении, он полюбил. Почему её красота добиралась до сердца Брюса таким сложным путём, неизвестно. Чтобы добиться её внимания, он делал вполне очевидные, с его точки зрения, вещи: раз в несколько месяцев звонил с незарегистрированных номеров и молчал в трубку, прокрадывался под окна её дома, а через два года написал настоящее бумажное письмо, полное смутных намёков, на которое Долли не ответила, потому что оно было анонимным. К тому моменту они давно учились в разных школах. Девочка выросла, не подозревая о тайном воздыхателе, вкусила свой первый секс на заднем сиденье автомобиля, а Брюс незримой тенью кружил неподалёку – и ничего не предпринимал. Только в колледже ему

удалось переключиться на новый объект. Брюс заметил худую девушку с длинными русыми волосами, узкими северными глазами и высокими скулами. Когда он узнал её имя – Долли, – то сразу понял, что это Знак. Через пару лет столь же необычных ухаживаний они встретились на вечеринке, и Брюс лишился невинности в её объятиях. Акт любви произошёл по пьяни, причём нетрезва оказалась именно Долли. Она очнулась, почти ничего не помня, и первое, что увидела, – грустные коровьи глаза Брюса, глядящие на неё с обожанием. Долли быстро зажмурилась, уже понимая, что влипла. Он немедленно предложил ей руку и сердце, а получив отказ, впал в затяжное пике – устраивал истерики, уезжал, возвращался, грозил самоубийством. Нет, цветы, билеты на концерты и любимые конфеты, которые он привозил коробками, – это прекрасно. Но негромкий унылый голос, но вечно печальное лицо, но жалобное «Доооолллиии»... Этот крест она несла четыре года. Её сексуальная жизнь рухнула – невозможно трахаться, когда в любой момент в окно может заглянуть бледный стенающий призрак. В конце концов, Долли обратилась в полицию, и Брюсу запретили приближаться к ней ближе чем на сто метров.

Когда они познакомились и Мардж узнала его историю, доброе сердце дрогнуло. Она очень хорошо умела слушать. Поэтому скоро ей стало известно о Долли всё – от формы груди до пищевых предпочтений. Они много гуляли и разговаривали, Мардж была потрясена, очарована его экзотической личностью и неожиданно для себя влюбилась. Отношения развивались стремительно (по его меркам), и через три месяца она затащила Брюса в постель. После он разрыдался:

– Я готов отдать десять лет жизни, чтобы на твоём месте сейчас лежала она... прости, прости...

Не подумайте, что Мардж немедленно его бросила. Продержалась год, но однажды, проснувшись в его комнате и увидев на стене новый портрет Долли, тихонько оделась и сбежала. Ничего особенного не произошло, просто терпение закончилось. Удивительно, но после разрыва Брюс прозрел и понял, что именно Мардж – его великая любовь. Он было начал преследование по обычной схеме, но она пресекла процесс в самом начале – позвонила его матери и описала ситуацию. Через два дня родители забрали своё нервное дитя домой, в соседний штат.

Несмотря на решительный поступок, Мардж довольно долго огорчалась и перестала грустить, только написав первую книгу, где среди прочих рассказов был один о Брюсе и Долли. Хотя своего незадачливого любовника со временем простила и позабыла, болезненный интерес к имени соперницы сохранился. И чтобы полностью его изжить, Мардж решила назвать героиню своего главного романа в её честь. Тридцать первого марта она в последний раз вышла за высокие ворота своей крепости, которые должны затвориться на три месяца. Хорошенько нагулявшись, вернулась в дом и активировала систему охраны. Теперь, если к трёхметровой стене приближался кто-то крупнее кошки, звучал ультразвуковой сигнал, потом – трехкратное словесное предупреждение для нежелательного гостя. Если посетитель упорствовал и прикасался к ограде, он получал слабый удар электрошока – сообразный массе его тела. В случае продолжения атаки напряжение усиливалось. Мардж выставила такой максимальный показатель, чтобы не причинить фатального вреда, но надолго отбить охоту к визитам у окрестных хулиганов. Хотя ни одного подозрительного типа до сих пор не попало (во время бесцельных прогулок она вообще не встретила ни души), но за три месяца многое могло произойти.

Нет, Мардж не была параноиком, всего лишь – одинокой, отважной и осмотрительной женщиной, приготовившейся к сверхусилию.

Первое потерянное письмо

Здравствуйте, Марджори.

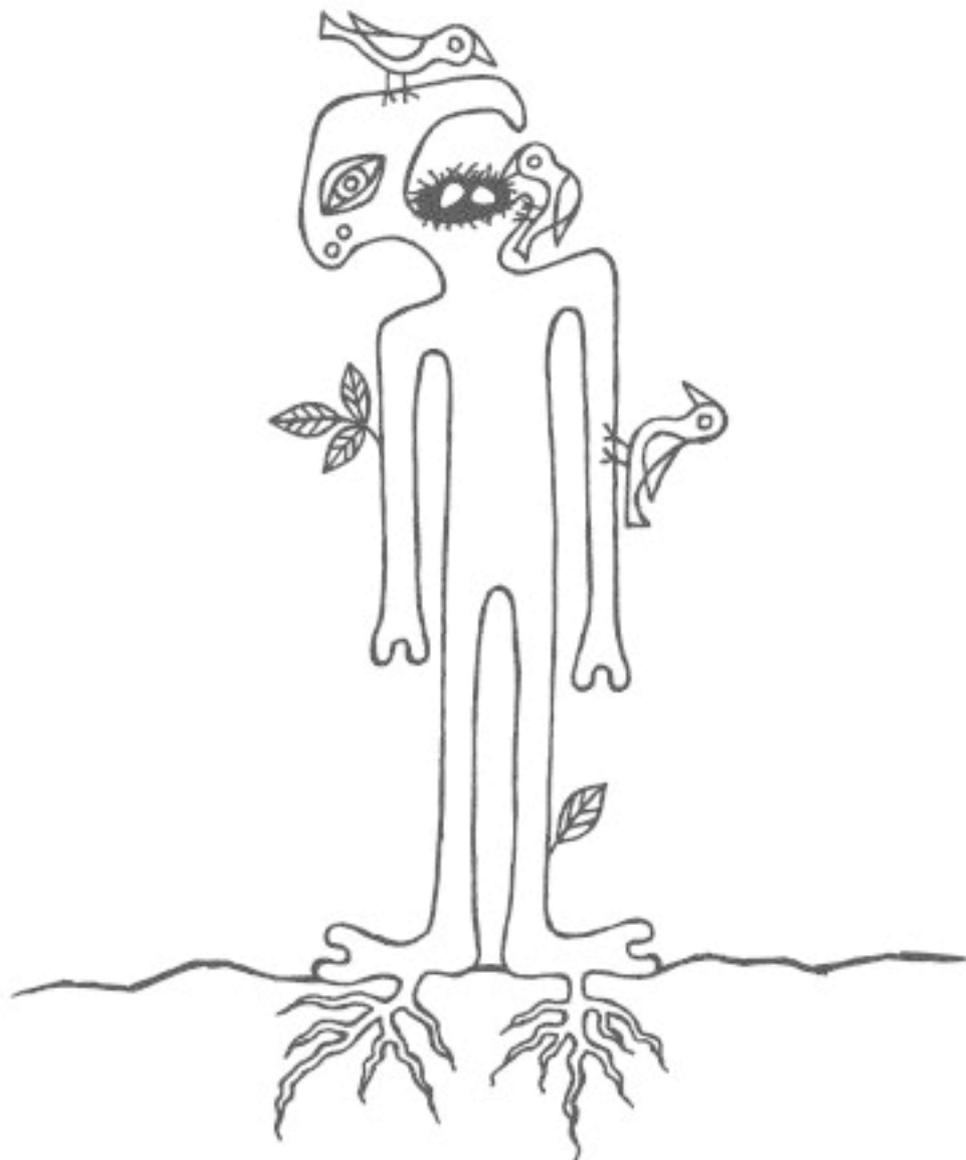
Всё утро думал, как обратиться – «госпожа» или «дорогая». В конце концов доверился почтовой программе, которая подставляет формулы вежливости самостоятельно. Моя программа воспитана лучше, чем я, она не бросится с порога рассказывать, как много значат ваши книги для старого дурака, живущего в глуши. Она не попытается немедленно назвать вас Мардж и пригласить в гости, если будете в наших краях. Так и вижу, как вы, в своих крошечных туфельках, бродите между чёрными елями и лиственницами, а я, в лучших традициях канадских лесорубов, рассказываю вам о деревьях. Потому что я всего лишь лесник, который следит за участком в несколько тысяч акров, а лис и белок видит гораздо чаще, чем женщины. Однажды, совершая очередной пиратский набег на ближайший городок, нашёл вашу книгу в гостиничном номере и зачем-то забрал. Моя бывшая жена говорила, что краденые ростки приживаются быстрее, чем честно купленные или подаренные. Вот и ваш цветок освоился в моём доме как нельзя лучше. Первой была «Невеста», а теперь у меня уже есть и «Семь влюблённых кошек», и «Босые девушки в красных платьях», и «Голодные сверчки не поют», и ещё парочка из раннего. Отдельное спасибо за названия: раз в полгода, когда оказываюсь в метрополисе и заглядываю в книжные магазины, с некоторым удовольствием наблюдаю за выражением лиц девочек на кассах – по их мнению, такой тип, как я, должен покупать «Кровавый молот возмездия», а не «Четвёртую жизнь цветка».

Я пишу это с одной-единственной целью: сообщить, что ваши нежные женские книги покинули большие города и ведут странную жизнь в диких местах, о которых вы никогда не думали. Возможно, вас ненадолго развлечёт эта мысль.

С уважением, Хьюго.

PS.

Я дурак, а почтовый робот точно воспитан лучше – напомнил, что следовало бы представиться. Меня зовут Хьюго.

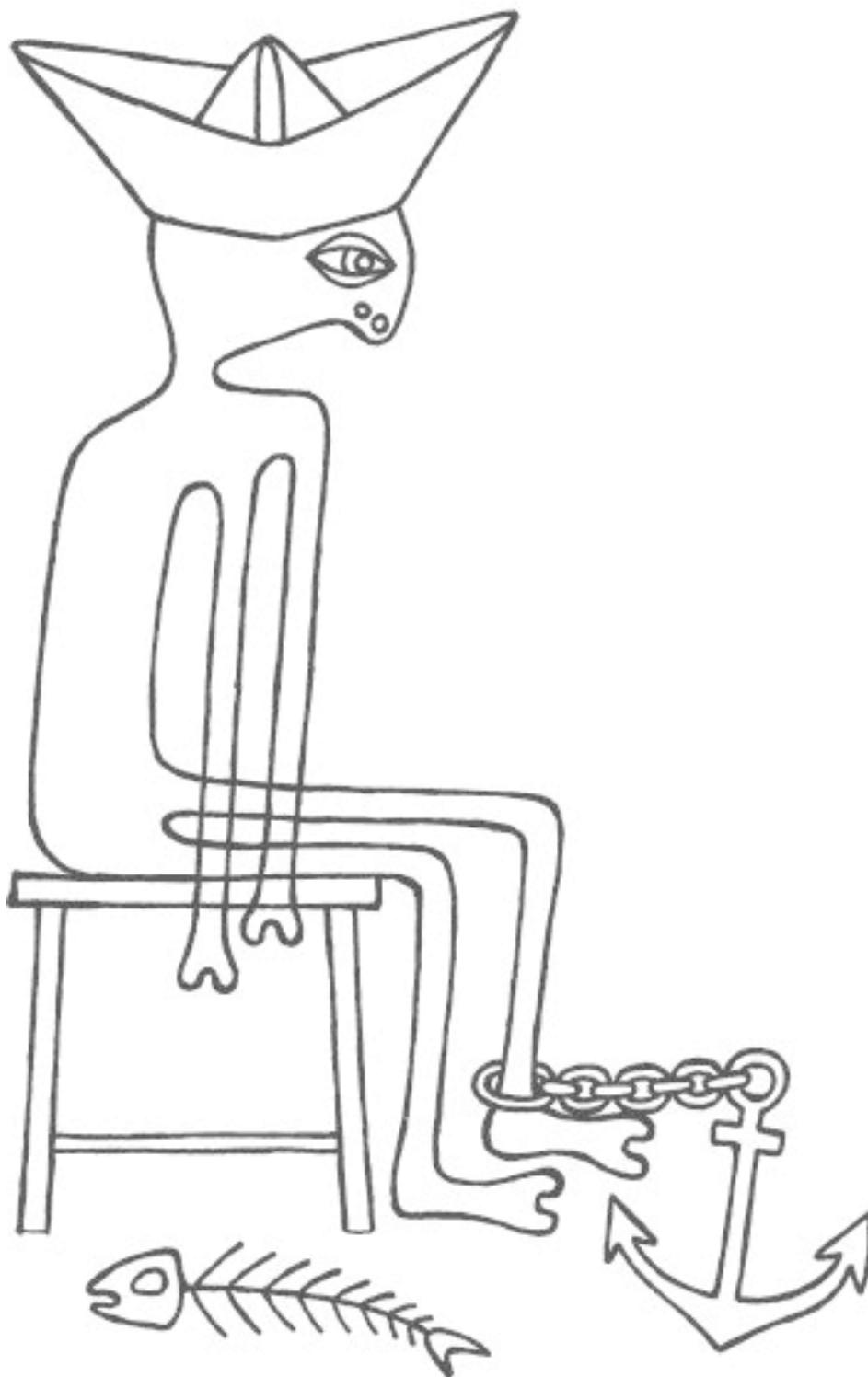
Глава 2

Мардж поставила точку и сохранила файл. Потом перенесла его на флэшку. Помедлила немного и включила второй, «прогулочный» ноутбук – не такой мощный, как основной, с экраном поменьше, но зато лёгкий, с ним она выходила в палисадник и писала в беседке. Скопировала рукопись и в него тоже, чтобы не дай бог...

Первый этап работы закончен. Мардж испытывала сложные чувства. Текст был готов вчерне и ужасно ей нравился, но в нём всего двадцать тысяч слов, а Мардж мечтала о рукописи, по крайней мере, в три раза большей. Она не собиралась огорчаться, ведь это только начало. На календаре – второе июля, до дня рождения остаётся пара недель, и Мардж намеревалась отдохнуть как следует. Для начала побродить по холмам, потом выбраться в соседнюю деревеньку. Нет, сначала в деревню! Соскучилась по человеческим лицам и ещё – по еде. По какой-нибудь другой пище, кроме той, что лежала в её кладовке. В глубине души Мардж признавала, что тюремная аскеза была диковатой и нездоровой затеей. Возможно, зимнее переутомление сыграло с ней злую шутку. Но, в сущности, она хорошо провела эти три месяца. Не только писала, на ночь читала умные и полезные книги – и поэтому очень быстро засыпала; пробуждалась на рассвете и брела в свой маленький сад. Запасаясь продуктами, бездумно прихватила в супермаркете несколько пакетиков с семенами и в начале апреля закопала в землю горсть зёрнышек, а потом с любопытством наблюдала, что вырастет.

Смутно помня о существовании сорняков, выпалывала на клумбах лишнюю зелень, не вполне, впрочем, уверенная, что культивирует именно то, что посадила. Действительно, один из самых любимых ярких ростков оказался зловредным *Agropyrum геренс*, то есть пыреем, как сообщил справочник. Но несколько настоящих цветов всё-таки выжили, скорее вопреки уходу, чем благодаря, и Мардж не сомневалась, что это настоящее чудо. Вдумчиво готовила завтрак, пытаясь создать что-нибудь необычное из однообразного набора продуктов. После полудня шла работать, и несколько часов пробегали незаметно. К вечеру изобретала ужин, выходила посмотреть на звёзды, а потом отправлялась в постель читать... От такой жизни недолго и растолстеть, но у неё был велотренажер, а рацион быстро наскучил, и Мардж редко передала. Так что к июлю она скорее посвежела, чем поправилась, – прежде ей не случалось проводить столько времени на воздухе. Был вечер, Мардж хотела отложить визит в деревню до утра, но поняла, что не вытерпит. Вывела из гаража старенькую машину – слава богу, завелась – и впервые за три месяца отключила охранную систему и открыла ворота. Выезжая, вспомнила, что не взяла мобильный телефон, который так и провалялся в кладовке выключенным. Но это потом, потом, а сейчас – поужинать. Остановилась у «Макдоналдса». Сейчас Мардж предпочла бы китайскую или итальянскую закускую, но в округе ничего похожего не водилось. Обычно придорожное кафе, обслуживающее тех, кто мчался по скоростному шоссе с одного конца страны на другой, пустовало, но сегодня на стоянке теснился десяток автомобилей. Перед ней в стеклянную дверь впорхнули две девицы модельного вида и решительно двинулись к стойке – похоже, порядком проголодались. Образовалась маленькая очередь, и Мардж пристроилась в хвост. Осмотрелась. Что-то показалось странным – должно быть, одичала в своём заключении, отвыкла от людей, потому что на первый взгляд ничего особенного не происходило. Вот изящная блондинка широко разевает красный рот и надкусывает двойной сэндвич. Хрупкий немолодой мужчина, едва видный за тремя высокими стаканами с коктейлями и пепси, сражается с горячим сладким пирожком. Тонкая змееподобная байкерша, как удав, натягивается на трёхэтажный бигмак. Почти за каждым столиком сидели люди и, обложившись коробочками, обертками и одноразовой посудой, жевали, жевали, жевали. «Ну и порции, – завистливо подумала Мардж, – ничего, я сейчас себе тоже...»

Начала, сглатывая слюну, прикидывать, что бы такое заказать – сладкого, солёенького, острого... – как встретила взглядом с изможденной чернокожей тёткой средних лет. Та только-только обмакнула золотистый чикен в соус и впила в него зубами, как оголодавший зверёк, но, увидев Мардж, ткнула в её сторону длинным костлявым пальцем. Распахнула лиловатую пасть так, что кусочек курицы вывалился на поднос, выпучила глаза и закричала. Мардж сначала посмотрела, нет ли кого опасного за спиной, но поняла, что тётка указывает на неё, и быстро отвернулась – ещё одна ненормальная. Возможно, обезумевшая жертва диеты на пике нервного срыва? Но тут же поймала ещё один исполненный ужаса взгляд – мальчишки за кассой. И ещё – впереди стоящих девиц. И ещё, и ещё... Вокруг образовалось пустое пространство, а поодаль, побросав еду, сбились в кучку посетители. На их лицах читалось... да, страх и брезгливость, вот что увидела Мардж. На неё, пожалуй, никогда в жизни так не смотрели.

- Что с ней? – верещала та чёрная психопатка. – Что с ней?!
- В самом деле, сестрёнка, – с тревогой спросил сухопарый дядька, по виду дальнбойщик, – ты в порядке?
- А вдруг это заразно?? – взвизгнула блонда – победительница сэндвичей. И толпа отступила ещё на пару шагов.
- Эй, ребята, спокойно, – Мардж попыталась стряхнуть ощущение кошмара, накатывавшее на неё, – я что, в говне измазана? Сыпью покрылась? Что у меня с лицом? Дайте кто-нибудь зеркало!

- Ты не понимаешь? – потрясённо произнёс кто-то. – Не понимаешь?
- Ради бога, что...
- ПОЧЕМУ ТЫ ТАКАЯ ТОЛСТАЯ?!!!

В наступившей тишине Мардж вдруг расхохоталась.

– Ох, ребята, слыхала я, что в маленьких деревеньках разыгрывают чужаков, но чтобы так... Кончайте придуриваться... – Она почти всхлипывала от смеха и облегчения: всего лишь тупая шутка, ничего страшного. Но они молчали, молчали, и Мардж, ещё хихикая, заново взгляделась в перепуганные физиономии, напряженные фигуры.

Голова закружилась, пол мягко дрогнул под ногами и, теряя сознание, она поняла, что с самого начала показалось странным. Все присутствующие – от посетителей до уборщицы, – все до единого человека в этой забегаловке были очень, очень худыми. Очнулась в белой комнате с высоким потолком, на кровати, опутанная проводами и датчиками. Совсем голая под простыней. Ничего себе! По солнечным лучам, бьющим сквозь лёгкие занавески, сообразила, что за окном раннее утро, а по сухости во рту догадалась, что долгий глубокий сон скорее всего медикаментозного происхождения. «Видимо, я порядком заработалась, хлопнулась в обморок от нервного напряжения, меня привезли в клинику и накололи успокоительным». Потянулась к кнопке вызова медсестры, но, видимо, кто-то следил за показанием приборов и понял, что она проснулась. Дверь мягко отъехала в сторону, и в палату заглянул человек. Мардж даже не сразу разобрала, кто это, мужчина или женщина, – шапочка-шлем, очки, маска, халат и перчатки полностью скрывали вошедшего. Только по голосу стало ясно, что перед ней чопорная дама средних лет.

- Доброе утро, Марджори. – Слова из-под повязки звучали глуховато.
- Вы уже выяснили моё имя? – Она почему-то удивилась.
- Это было несложно, ваши документы лежали в машине.
- Ах, ну да. Где я?
- Конечно же, в больнице. Меня зовут доктор Розенталь, я ваш лечащий врач.
- Что со мной?
- Это нам предстоит выяснить.

– Я всего лишь переутомилась и упала в обморок, к чему эти провода и вся эта биозащита на вас?

– Давайте не будем спешить. Ответьте, пожалуйста, на несколько вопросов. – Розентальша открыла блокнот и приготовилась записывать: – Полное имя?

– Марджори Синтия Касас. – Она поняла, что настаивать бесполезно, и покорно сообщила свой возраст, род занятий, образование, семейное положение, перечислила детские болезни, аллергические реакции, беременности, точнее, заявила об их отсутствии. Но когда доктор поинтересовалась, не имела ли она в последнее время контактов с больными, терпение Мардж лопнуло.

– Дорогуша, я ни с кем не контактировала! Ни с кем, кроме ненормальных из закускойной. У меня просто закружилась голова, потому что я слишком много работала и плохо питалась. Какого чёрта! Не буду отвечать на идиотские вопросы, пока не объяснитесь.

– Хорошо, только сохраняйте спокойствие. Вынуждена сообщить, что мы взяли вашу кровь и образец тканей... крошечный соскоб, не волнуйтесь... Полный анализ пока не готов, но уже можно сказать, что... – дама замялась.

- Марджори, в вашей крови и тканях не обнаружено следов изменения.
- И?.. Это же хорошо, если моя кровь самая обычная.

– Вы не поняли. Мы не нашли Изменений, понимаете? – Доктор выделила это слово. – Ни следа перестройки клеток. И теперь нам необходимо выяснить, отчего произошёл регресс.

- Какой ещё регресс?
- Это значит – деградация... эээ, движение назад, к низшим формам развития.

– Я знаю, что означает «регресс»! Но в чём он выражается? Я что, в обезьяну превращаюсь? Покрываюсь шерстью? – Мардж тревожно посмотрела на свои пухлые смугловатые руки, ощупала лицо. – Всё вроде на месте и нового ничего не отросло. Маникюра только нет, ужасные ногти, но за это в клинику не увозят.

Пытаясь разрядить обстановку, улыбнулась, продемонстрировала растопыренные пальцы доктору и с испугом отметила, что та слегка отпрянула. Как те люди вчера.

– Да что со мной не так? Дайте зеркало!

– Спокойно, спокойно. – Доктор нажала на кнопку, и тут же вошла медсестра со шприцем, тоже упакованная как астронавт.

Мардж постаралась овладеть собой.

– Эй, не нужно, я спокойна. Просто объясните, умоляю.

– Мардж, – собеседница помедлила, теребя блокнот, – у вас... наблюдается лишний вес.

– Что?!

– Проще говоря, вы толстая.

– Мать вашу!!! Нет, не надо уколов... Я знаю. Я всегда была в теле! Да и не такая уж я корова, господа, вы сговорились все, что ли? – Хотелось заплакать, но шприц был наготове, и она сдержалась. – Три месяца писала, как чёрт, носа не показывала к людям, может, спятила слегка, ну и поправилась, но не настолько, чтобы от меня шараться. И вообще, что за дискриминация? Вышел новый закон против толстяков?

Доктор Розенталь вдруг замерла. Потом сняла очки и уставилась на Мардж. У неё оказались низкие брови и тёмные печальные глаза, окружённые сетью мелких морщинок.

– Марджори, скажите, вы проходили Изменение?

– Какое такое изменение?

– Вы знаете, что произошло первого апреля?

– Этого года?

– Да.

– Ээээ... Я села писать роман, но вряд ли это имеет для вас значение... День Дурака?

– И всё?

– Послушайте, может показаться странным, но я три полных месяца просидела без интернета, телефона и телевизора, без газет и журналов. Ни с кем не общаясь. Я не сумасшедшая. Я писатель. Прекратите задавать наводящие вопросы и просто объясните, что случилось.

– Что ж, хорошо.

И доктор Розенталь объяснила.

Интересно, что многие поначалу не поверили – мало ли что носится по эфиру в День Дурака? Но мощь информационной атаки и дальнейшие события убедили самых упрямых скептиков.

Послание гласило:

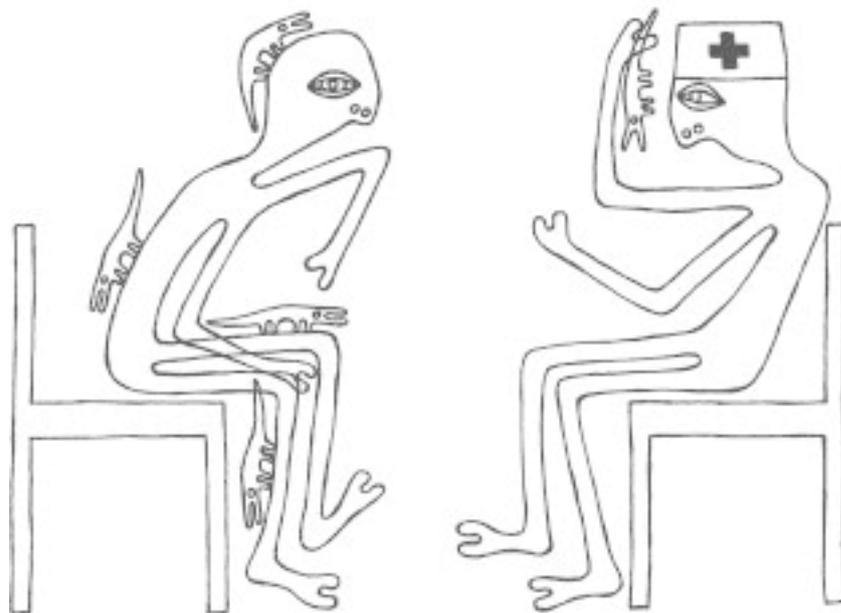
Здравствуйтесь.

Мы пришли, чтобы исполнить величайшую мечту человечества. Следите за нашими сообщениями!

Оказывается, последние сто лет мир одержим идеей похудения. И «Мы» намерены сделать всё, чтобы эту идею воплотить. В следующие сутки человечество едва не самоуничтожилось. Самые энергичные умы быстро разобрались, кто виноват в ложных сигналах, испускаемых ноосферой. Конечно же глянец... женская литература... и вообще, женщины. Это они своим мелким умишком и длинными языками замусорили планетарное сознание. Если бы, как пятьдесят лет назад, миром правили мужчины, картина была бы иной – чистой, величественной, совершенной. Подумать только, Человек уже стоял у ворот Рая, и, точно как в Библии, Женщина, соблазнённая диетическим яблочком, ему помешала. Сначала из-за неё произошло Изгнание, теперь не свершилось Возвращение. А роль Змея-искусителя исполняли геи, эти проклятые извращенцы, модельеры и стилисты, навязывавшие безмозглым женщинам образ бесполой куклы в качестве идеала. Мир будто забыл, что мужеложство – грех, и назначил судьями в вопросах эстетики тех, чьи вкусы изначально порочны. Жирные чревоугодники тоже виноваты – нарушали заповедь воздержания, а потом лицемерно пытались оправдаться, крича на всю Вселенную о своих проблемах.

Вот и докричались. Но нельзя ли что-нибудь исправить, а? Если прямо сейчас все прогрессивно мыслящие люди примутся заполнять эфир настоящими, достойными Homo sapiens идеями, возможно ли изменить приговор? А для начала нужно наказать виновных... Крупнейшие издательские дома по всему миру подвергались нападениям, толпы громили торговые комплексы, модные салоны, фитнес– и гей-клубы. Досталось и толстякам, и просто слишком ухоженным парням, женщины боялись выходить из дома, правительствам пришлось вывести на улицы войска, чтобы сохранить подобие порядка. Попытки захватить телецентры были отбиты. Всюду шли дебаты, переходящие в побоища, о том, какую же ВМЧ (величайшую мечту то есть) должны воплотить инопланетяне («Мы» так и не удосужились представиться, но ученые уже выяснили, что источник посланий находится в космосе, хотя и не смогли засечь на орбите крупных объектов). В интернете образовывались стихийные флэшмобы: сотни тысяч пользователей стоваривались и забивали все доступные им площадки – блоги, чаты, гостевые книги, социальные сети – однотипными лозунгами. Лидировали призывы «Убить всех людей» и «Ктулху – в президенты мира». Хакеры взламывали крупнейшие порталы и размещали воззвания, сообразные собственным убеждениям. Короче говоря, каждый спешил высказать и распространить своё мнение как можно шире. По улицам бегали психи с мегафонами. Направив раструбы к небесам, они кричали: «Вечность!», «Здоровье!», «Смерть евреям!», «Счастье для всех!», «Верните Иисуса!», «Свободу Тибету!», «Спасите вымирающих панд!» Это был ад.

Через несколько часов на землю стали бесшумно опускаться розовые пирамидки – что-то вроде небольших островерхих шатров высотой около восьми футов и примерно такой же ширины у основания. Сначала их расположение казалось хаотичным, но позже выяснилось, что оно соотносится с плотностью населения: чем больше народу в районе, тем чаще приземлялись пирамидки. Миром овладела апатия, столь глубокая, что прекратились даже самоубийства. Президент Североамериканского Союза, педиковатый господин с серьгой в ухе, выступая перед нацией, обессиленно произнёс: «Мы под колпаком. Дергаться бесполезно, они нас контролируют. Я нажал на все кнопки, ага, даже на Большую Красную, – ничего не работает. Кажется, они открыли в Гугле самую подробную карту и методично расставляют точки. Розовые пирамиды зафиксированы везде, где есть люди. Я не знаю, что делать. Расслабьтесь, нас захватили. Я устал».

Тут в кадре появились чьи-то крепкие заботливые руки и аккуратно извлекли вялого Президента из кресла. Его место заняла Госсекретарь: «Дорогие американцы! В эту странную минуту я призываю вас к спокойствию. Никаких проявлений агрессии со стороны пришельцев не наблюдается. Обещаю, мы постараемся договориться».

Было сказано ещё много слов, но суть сводилась к следующему: от ВМЧ не отвертеться. Далее начался плотный поток событий и сообщений. Всем жителям Земли предложили добровольно подвергнуться Изменению. Для этого достаточно войти в ближайшую пирамидку и провести там от десяти до сорока минут. За это время метаболизм будет улучшен и человек достигнет идеального веса и объёма. «Мы» согласились ответить на любой вопрос «по существу» (в сети появились исчерпывающие FAQ¹).

Asked: В чём заключается Изменение?

Questions: Ваши клетки будут перестроены особым образом, в результате оптимизируется обмен веществ, который не только позволит уменьшить вес, но и приведёт к общему оздоровлению организма. Кроме того, мы позаботимся, чтобы ваша кожа осталась в тонусе.

A: Каким в итоге станет мой вес?

Q: Все люди разные, поэтому мы оперируем понятием «процент жира». Если вы женщина, процент жира в вашем организме будет равен 17, если мужчина – 13.

¹ Frequently Asked Questions – часто задаваемые вопросы (англ. сокр.).

А: Я и так худенькая, какой смысл мне проходить Изменение?

Q: Коррекция обмена веществ увеличивает среднюю продолжительность жизни на 10 лет.

А: Вы замените моё тело?

Q: Нет, мы всего лишь его перестроим.

А: Можно ли подвергнуть Изменению ребёнка?

Q: Да, Изменение не скажется на его физическом и умственном развитии.

А: Это больно?

Q: Вы ничего не почувствуете.

А: Изменение обратимо?

Q: Нет. Но Изменение не передаётся по наследству. Это дар одному поколению.

А: Это безопасно?

Q: Да. Как только появятся добровольцы, ваши учёные смогут обследовать их и убедиться в полной безопасности Изменения.

И так далее, и так далее, и так далее.

Четвертого апреля на закате фургончик с Перлом подъехал к розовой пирамидке, которая находилась всего в пяти милях от его дома. Вокруг уже собралась толпа зевак, медики и журналисты с телекамерами. Когда коляску выкатили, зрители зашумели: многим из них не доводилось видеть этакой туши. Перл был отчаянно взволнован и задыхался, на прощание он произнёс в микрофон:

– Я рискну не только ради себя, это маленький шаг одного человека и большой шаг всего человечества!

Наконец он подъехал к пирамидке. Остановился. С минуту ничего не происходило, потом стена перед ним потемнела и растворилась. Что там внутри, разглядеть не удавалось, видимо, от Перла ждали, что он войдёт, но коляска оказалась слишком велика. Он вдруг рассмеялся:

– Похоже, во всей Вселенной не найдётся достаточно широкой двери для меня. Я думал, жирнюков не жалуют только на Земле!

Перл хохотал и не мог перестать, его студенистое тело тряслось, лицо и шея побагровели, по щекам катились слёзы. Толпа была зачарована этим зрелищем и не сразу заметила, что пирамидка дрогнула. Она неторопливо поднялась в воздух, зависнув над головой Перла. Затем днище исчезло, и пирамидка медленно начала опускаться на человека в коляске. Он, как ни странно, сохранял спокойствие, а вот окружающие завопили. Розовый шатёр полностью скрыл Перла, коснулся асфальта и замер.

– Перл жив.

Толпа возликовала.

– Он без сознания? – спросил журналист с огромным микрофоном.

– Он просто спит. На первый взгляд с ним всё в порядке, но если нам не дадут доставить его в больницу, мы ничего не гарантируем.

Вмешалась полиция, очистила дорогу, и Перла увезли в военный госпиталь. Мир затаил дыхание. Сообщений от врачей не поступало, некоторое время казалось, что учёные вообще не будут делиться информацией и подвиг Перла напрасен. Но потом разом произошло несколько событий: врачи заговорили, а из многих стран пошли известия, что ещё около сотни человек решились на Изменения. Новости были хорошими, изменённые прекрасно себя чувствовали, ничего не помнили о процедуре, но в целом нормально соображали и были абсолютно счастливы. В их крови обнаружены результаты перестройки, которые позволяют отличить Изменённого, но не более того. Под давлением общественности Перла выпустили из клиники, и он дал множество интервью, которые облетели всю планету:

«Ничего не помню, всё прекрасно, это тело – моё тело, шрам на плече от качелей никуда не делся, но я снова могу ходить! Двигаться! У меня уже был секс!» Перл рыдал от счастья, человечество порыдало вместе с ним, а потом, утерев слёзы, кинулось к пирамидкам. Напрасно учёные умоляли подождать полгода, а лучше год, пока они в полной мере исследуют явление и его побочные эффекты. «Мы» упоминали, что не намерены долго задерживаться на Земле, и люди отчаянно боялись не успеть. Пирамидки работали днём и ночью, им не было числа, и только поэтому в очередях на Изменение обошлось без фатальных конфликтов и массовых истерик. Приносили больных, надеясь продлить их жизнь, и, как правило, продлевали. Не было случая, чтобы кто-нибудь умер внутри пирамидки, и, хотя чудесных исцелений не наблюдалось – опухоли не рассасывались, поврежденные органы не отрастали, – общее состояние всё равно улучшалось.

Не сразу, но стали приводить детей. Первая беременная женщина вошла в пирамидку, ещё не зная, что ждёт ребёнка, но на последующем обследовании в её матке обнаружился двухнедельный зародыш, который совершенно не пострадал. Земля наполнилась дичайшими слухами – о тех, кто вошел и так и не вышел из пирамидки, или выбрался абсолютно безумным, или сделал два шага и упал замертво, о внезапно открывшихся паранормальных способностях, неведомых инфекциях, свежееотрощенных хвостах и, разумеется, об искусственном оплодотворении инопланетными эмбрионами. Но хладнокровная статистика обнаруживала только положительную динамику: люди выходили из пирамидок здоровее, чем были. И хуже. Разумеется, недовольные всё равно находились. Набирало силу движение протестующих анорексичек: истощённые женщины, у которых процент жира и без того был ниже семнадцати, рвали в пирамидки, чтобы убрать мифические граммы со своих костей, но выходили даже менее худыми, чем прежде, – «Мы» не соглашались наносить вред. Некоторые религиозные общины кричали о печати Сатаны на уровне клеток. В конце концов, кто-то был просто против, без аргументов. «Не хочу, чтобы в мою жену и детей кто-то запускал свои грязные щупальца!» – заявляли честные фермеры, с ненавистью глядя в камеру. «Чёрт побери, моя баба нравится мне такой, как есть! Худые-то сплошь злобные да гулящие!», «Не хочу быть, как все!», «Убирайтесь, проклятые жопорукие монстры!», «Происходит массовое отделение чистых от нечистых, и я знаю, с кем мне по пути».

К июню поток людей, идущих к пирамидам, стал иссякать. Те, кто хотел пройти Изменение, его прошли, а противники только утвердились в своём нежелании. Были отмечены случаи нападения на Изменённых и дискриминация по анализу крови. И тогда притихшие было «Мы» выступили с очередным объявлением. Они, как ни в чём не бывало, сообщили, что их обеспокоили запреты на Изменение, которые они зафиксировали в ряде стран и в отдельных общинах. «Мы» не могли допустить, чтобы великая мечта человечества сбылась не в полной мере. Поэтому уже несколько недель во все крупные системы водоснабжения добавлен препарат, инициирующий процесс похудения в человеческом организме. То есть каждый, кто пил земную воду, обязательно похудеет, просто не так быстро, как посетивший пирамидку. Для подтверждения этого факта достаточно простейшего анализа крови, но, судя по всему, неизменённых на Земле не осталось.

Мировая общественность растерялась. Фактически «Мы» признали, что никакой добровольности не подразумевалось с самого начала. Бывший Президент Североамериканского Союза, отдыхающий в своём загородном доме, только пожал плечами: «Я же говорил, расслабьтесь».

Зачем тогда весь этот фарс с пирамидками? Ответ был таков: «Мы» не хотели сеять панику и пытались соблюсти ваши приличия до определённого предела. Но наша миссия должна быть выполнена. Теперь вода очищена, Изменения завершены, самолёты могут взлетать, а «Мы» закончили свои дела на Земле и готовы её покинуть. На каждом континенте оста-

нется по одной розовой пирамидке для наблюдения. Не пытайтесь их уничтожить – вы уже выяснили, что они неуязвимы для вашей техники. Берегите себя».

И они улетели.

К первому июля Земля была абсолютно свободна и потихоньку возвращалась к нормальной жизни.

Глава 3

Мардж проснулась и некоторое время не поднимала толк комнаты, в которой провела последние три месяца, лике у кровати. Хотелось проснуться в позавчера, когда мир ещё не изменился. Но вместо этого пришлось открыть глаза и увидеть всю ту же больничную палату.

«И самое неприятное, – подумала Мардж, – что я упустила единственную возможность похудеть. Не будь я такой упрямой или сними дом поближе к цивилизации... с централизованным водоснабжением, а не с собственным артезианским колодцем и запасом канистр из супермаркета.

Вообще-то она никогда особенно не тяготилась полнотой, разве что в ранней юности, когда Брюс при каждом удобном случае тыкал ей в нос худобой Долли. Но потом полюбила свои широкие бёдра, тяжелые груди, все эти плавные изгибы, ямочки, складочки и нежные места, от которых у мужчин заходило сердце. Всё-таки небольшой мягкий живот женщину не испортит, что бы там ни говорили любители стиральных досок. Но ей совершенно не улыбалось стать изгоем, «мисс Величайшая Задница Мира»...

После короткого стука, не дожидаясь ответа, вошла доктор Розенталь. Сегодня – без очков и «скафандра», простом белом халате. Значит, они убедились, что Мардж не опасна.

– Доброе утро, Мардж. – Доктор Розенталь мягко улыбнулась. Она казалась довольно приятной женщиной теперь, когда не была напугана.

– Доброе, – вяло откликнулась Мардж.

– Нет, в самом деле, есть хорошие новости. Мы проверили ваш рассказ, признаюсь, поначалу он показался мне довольно необычным... три месяца в заточении, пропустить всё это, – она сделала неопределённый жест.

– Знаете, Карен, – Мардж прочитала её имя на бейджике, – уж кто бы говорил. То, что рассказали мне вы, не в пример страннее.

– Согласна. Но разница в том, что мои слова может подтвердить кто угодно. А нам пришлось связаться с домовладельцем, агентом – вы ведь не против? – и с некоторыми вашими друзьями. Они передают приветы, Мардж.

– Прекрасно. Значит, я могу уехать отсюда хоть сейчас?

– Теоретически.

Мардж грустила, она устала от недомолвок и была слишком подавлена для пикировки. Поэтому всего лишь приподняла правую бровь и подождала, пока доктор Розенталь объяснится.

– Мы уладим формальности, за вами прилетит вертолёт и доставит, куда пожелаете.

– А к чему этот цирк? Неужели нельзя пригнать мою машину?

– Я вчера не успела сказать, мы... эээ... несколько в другом штате, на крайне охраняемой территории.

– Ничего себе! То есть после обморока меня отволокли на секретную базу, откуда можно выбраться только с завязанными глазами и подпиской о неразглашении?

– Вы недооцениваете происшедшее – и с вами, и с остальным миром. Вы, кажется, единственная неизменённая женщина на планете. Другая, не такая, как все. Мы больше не боимся неизвестной инфекции, которую вы могли бы переносить, но мы боимся за вас, Мардж. Никто не знает, как отреагирует человечество на вашу инакость. Люди взбудоражены.

– М-да, судя по тому, что мне вчера рассказали, те похудательные капельки были не единственным тайным воздействием инопланетян. Сдаётся, они немножко пригасили население – уж очень покладисто народ принял их байки.

– Вы бы видели этот покой в Первые сутки!

– Но потом? Не думаете, что люди слишком легко смирились с чужаками?

– Хорошо соображаете, Мардж.

– Не жалуюсь. Вот, а теперь, когда они улетели, начнется неслабый отходняк. И мне, пожалуй, есть чего опасаться, вы правы.

– Рада, что вы понимаете всю сложность ситуации.

– Я, наверное, вернусь в дом, он оплачен до октября. Боюсь, мне не вынести вида городских худышек в летних платьях... И к тому же нужно писать книгу.

– Это разумное решение. Нам проще будет вас охранять. Запасы пищи в доме пополняют сообразно вашим пожеланиям.

– Эй, с чего это правительство взялось обо мне заботиться?

– Правительство обязано заботиться о каждом гражданине страны.

Доктор Розенталь помолчала, что-то мысленно взвешивая. Потом пристально посмотрела в глаза Мардж и тронула себя за ухо. Настойчиво потянула мочку.

– Дорогая, я вижу, вам уже невмоготу больничные интерьеры, но вы ещё не совсем здоровы и нуждаетесь в поддержке и квалифицированном наблюдении. Хотите, я полечу с вами и некоторое время поживу в том чудесном доме? Насколько мне известно, в нём две спальни.

Вздыхнула и ответила:

– Буду счастлива, Карен.

Мардж впервые летела на вертолёте (по крайней мере, будучи в сознании), было безумно страшно, поэтому почти всё время сидела, вцепившись побелевшими пальцами в подлокотники. Во дворе её дома не нашлось места для посадки, поэтому они приземлились на соседнем холме. Мардж вывалилась из кабины прямо в руки сопровождающему их военному и, несмотря на дурноту, отметила, что мальчик в форме напрягся. «Противно ему, наверное, толстуху шупать, – подумала печально, – да и весу в нём маловато, тяжело этакую массу удерживать». Чем больше видела изменённых мужчин и женщин, тем сильнее нарастало отвращение к своему телу. А ведь раньше спокойно рассматривала манекенщиц, танцоров и прочих недокормышей – потому что всюду разгуливали такие, как она, Мардж, нормальные аппетитные женщины с боками и сиськами. Но теперь, став экспонатом кунсткамеры, сохранить достоинство не смогла.

Отвлечшись от мрачных мыслей, огляделась. Что это?! Неподалёку от дома вырос небольшой палаточный лагерь, ворота распахнуты, суетятся люди в камуфляже.

– Что, чёрт побери, происходит?! Кто дал им право вторгаться в частные владения?

– Мардж, дорогая, давайте войдём внутрь, я должна многое объяснить, – Карен говорила почти жалобно, – поверьте, за последние три дня вы узнали массу нового, но и это ещё не всё.

Карен несмело тронула её за руку, Мардж возмущённо дёрнулась, но голова закружилась, и пришлось опереться на костистое плечико. «Что ж, эта от меня, по крайней мере, больше не шарахается. Привыкла».

– Ладно, – ответила сквозь зубы и, не торопясь, пошла к дому.

К этому времени все мужчины побросали свои дела и развернулись в их сторону.

«Я и это вынесу». Шла, глядя прямо перед собой, а тело её горело. Корова. Уродина. Монстр. Под тяжёлыми взглядами преодолела пространство до ворот, потом до двери и вступила в прохладу крошечной прихожей, сунулась в столовую и чуть не сорвалась – в углу незнакомый парень колдовал с проводами.

– Уходите, – ей хотелось завопить.

– Но, мэм, мне осталось...

– Позже, – вмешалась Карен, и он беспрекословно подчинился.

«Ага, – отметила Мардж, – доктор-то не просто доктор, а с полномочиями, учтём...» Захлопнула дверь, и это было последним осмысленным действием, истощившим её самообладание: Мардж опустилась прямо на пол, закрыла лицо руками и заплакала.

Надо отдать должное Карен: терпеливо подождала пятнадцать или двадцать минут, а потом, выбрав по какому-то своему разумению нужный момент, налила в тонкостенный стакан свежей прохладной воды и присела на корточки перед Мардж. Отвела спутанные волосы от мокрых щёк и поднесла стакан к её губам. Мардж судорожно глотнула, стараясь не закашляться, и сквозь отчаяние восхитилась точностью расчёта – пять минут назад она ещё не выплакала все слёзы, а пять минут спустя потеряла бы последние силы. «Профессионал... теперь со мной всегда будут общаться только профессиональные... дрессировщики». Неожиданно накатила следующая волна истерики, но Карен плеснула себе на ладонь немного воды и вдруг обтёрла её лицо осторожным материнским жестом, промокнула салфеткой – так нежно, будто перед ней была девочка, перепачканная шоколадом, – и прижала её голову к своей худосочной груди.

Они сидели так долго-долго, и Мардж подумала, что у Карен, наверное, затекли ноги в неудобной позе, но сил прервать объятие не было – нескоро её обнимут ещё раз с такой же теплотой.

Наконец Мардж прервала молчание и плаксиво спросила:

– А что он делал там, в углу?

Карен разомкнула руки, с усилием встала и выпрямилась:

– Прокладывал коммуникации. Тут нет ни телевизора, ни интернета, ничего. Мы уважаем ваше уединение, Мардж, но видит бог, всё слишком изменилось, чтобы оставаться в неведении. Понять, что происходит, гораздо проще, если иметь доступ к сетям. – Она говорила официальным тоном, чтобы Мардж не устыдилась своей слабости и не почувствовала себя уязвимой. Ещё более уязвимой.

«По крайней мере, они не хотят меня изолировать, хороший знак».

– Ладно, пусть заканчивает, а я пойду к себе, переоденусь. – Она шагнула к двери в спальню, и только после того, как зашла внутрь, Карен позвала парня. Мардж оценила деликатность – чем меньше на неё будут глазеть, тем лучше.

Примерно через час, после горячей ванны, полулежала в кровати, почти успокоенная, с ноутбуком на коленях. В правом нижнем углу мигал значок сети, но Мардж не спешила выходить в интернет, проверять почту и окунаться в новую реальность, в которой предстояло жить. Первым делом открыла файл с текстом – он был на месте, флэшка тоже лежала там, где Мардж её оставила, и вся информация сохранилась. Несомненно, и ноутбук в кабинете в полном порядке, хотя в него наверняка лазили военные. За неё взялись основательно, и сейчас предстояло понять, почему.

Карен постучала и вошла, неся безупречный ланч: свежий апельсиновый сок, нежирные ломтики мяса, сыр, тосты, джем и крепкий чай. «Сообразно с вашими пожеланиями», вспомнила Мардж.

Карен тоже искупалась и переделась в просторное домашнее платье, скрывающее худобу, – наверняка, чтобы не причинять Мардж дополнительной боли.

– Мне понадобится время, чтобы разобраться со своими письмами.

– Хорошо, встретимся за обедом, а потом я отвечу на любые вопросы, которые у вас появятся. – И она удалилась.

Мардж отхлебнула сока, тяжело вздохнула и открыла почтовую программу.

Похоже, мировая экономика перестраивалась с ужасным хрустом, как старенький кубик Рубика. Индустрия похудения отмерла за ненадобностью, целые сегменты промышленности разрушались, аналитики шумно нюхали воздух, пытаясь уловить тенденции. Пока главным «трендом» была обыкновенная еда. Ну да, человечество обнаружило невиданный аппетит: женщины, всю сознательную жизнь просидевшие на диете, теперь могли позволить себе что угодно, хоть конфеты коробками, хоть пиво галлонами. Конечно, здорового питания никто не

отменил, но с тормозов слетели многие, и ускорившийся обмен веществ тому способствовал. Голод миру пока не грозил, но его возможность уже прогнозировали.

Мардж ошалела от обилия информации и, чтобы отвлечься, решила вычистить ящик от спама, который просочился сквозь фильтры. Удалила, не открывая, несколько писем от заведомо незнакомых отправителей, но в одно всё же заглянула и была шокирована: вместо обычного предложения выиграть миллион или увеличить член на пару инчей ей рекомендовали нарастить груди и ягодицы. Раньше это прозвучало бы изошрённым издевательством для миллионов женщин, а теперь, пожалуй, мог возникнуть спрос. Хотя Мардж искренне не понимала, зачем человеку, только что освободившемуся от жирной задницы, делать себе искусственную?

Поискала весточки от друзей, но за три месяца не пришло ни одной – все же знали о её аскезе. Только сегодняшнее письмо от издателя, который настойчиво интересовался новым текстом, – что довольно странно, они планировали побеседовать о будущей книге только осенью, и сообщение от Энн с темой «МАРДЖ!!!». Внутри была ссылка.

Мардж кликнула и через секунду чуть не завопила от ужаса. Открылся новостной сайт, на главной странице которого красовалась огромная фотографии паршивого качества, сделанная, кажется, мобильником: на грязном полу «Макдоналдса» лежала она, Мардж, в обмороке, похожая на беспомощного кита. Шапка гласила: «Обнаружена последняя толстуха на Земле!» Чуть мельче шел текст, описывающий недавние события в деревенской забегаловке и завершающийся фразой: «Дальнейшая судьба её неизвестна, имя засекречено, аномальным явлением занимаются военные. Что это было?!!»

«Аномальное явление» была крупная дрожь. Она поняла причину спешки и суеты вокруг своей персоны: ещё несколько часов, и фамилия станет достоянием СМИ, к завтрашнему дню журналисты вычислят дом, и на её бедную голову обрушится злобное любопытство всего человечества. Внизу страницы предлагалось «крупное вознаграждение» любому, кто обладает информацией о ней. Мардж не сомневалась, что близкие не польстятся на деньги, но существовали соседи и шапочные знакомые. Взяла себя в руки и написала Энн: «Дорогая моя, пожалуйста, умоляю – никому не слова. Я всё-всё тебе объясню, только чуть позже!» Отправила письмо, обновила страницу новостей и с тоской поняла, что опоздала.

Итак, к двум часам пополудни мир уже знал, что на свете существует Единственная Неизменённая, Последняя Толстуха, Мисс 40 % жира, Величайшая Задница Земли – она же Марджори Касас.

Горюй – не горюй, а обедать надо. Мардж вышла в столовую и сразу увидела встревоженную Карен, которая сидела за накрытым столом и чистила апельсин. Ясно было, что она уже знает.

– Прекрасная вещь – интернет, – беспечным тоном заметила Мардж, усаживаясь, – не успеешь чихнуть... Интересно, кто сообщил журналистам моё имя.

– Сразу несколько человек, – ответила Карен, – можете не сомневаться, ваши друзья уже дают интервью.

– Я хочу отсидеться. Не пускайте никого, пожалуйста, хотя бы пару недель. Потом, когда шумиха поутихнет...

Карен печально смотрела на неё и молчала.

– Что, нужно больше? Месяц?

– Она никогда не утихнет, Мардж.

– Да ну, им же когда-нибудь надоест глумиться надо мной.

– Глумиться – да, но вы нужны им, и они никогда не оставят вас в покое.

– Я?? Нужна?? Знаете, дорогая, вы слишком мрачно смотрите на жизнь. Поговорят и отстанут. Обеспечьте мне две недели покоя, а там посмотрим. Я буду править текст, а вы – отгонять придурков. Согласны?

– Как пожелаете. Хотите об этом поговорить?

– Нет, спасибо. Вернёмся к вопросу после моего дня рождения. Лучше скажите, что в этой кастрюльке? Сами приготовили?

Но неприятный разговор состоялся несколько раньше, как раз накануне тридцатидевятилетия Мардж. Все предыдущие дни она была очень занята – читала текст и намечала сюжетные линии, которые следовало бы развить. Собралась с духом и приняла важное решение: отойти от собственных привычек и раскрыть, ни много ни мало, тему секса. Она не чуждалась полупристойных шуток, но когда изредка её вовлекали в детальное обсуждение чьих-то постельных пристрастий, Мардж становилось не по себе, у неё делалось выражение лица, как у кошечки, вступившей в лужу, – только что лапками не трясла.

В сексе была довольно свободной, но одно дело – заниматься любовью, другое дело – говорить об этом, а уж писать – совсем третье. В книгах чаще всего обходилась невнятным «атмосферными» сценами: герой посмотрел, героиня улыбнулась, а в следующем предложении она уже благодарно целует его мокрое от пота плечо.

Мардж гордилась умением создавать должный эротический градус, не прибегая к анатомическим подробностям и акробатическим уточнениям – кто, кого, чем, в какое место и где при этом был его язык. Но в нынешней, главной своей книге, почувствовала необходимость описать женские тайны так, чтобы у читателя возникло впечатление, будто его вовлекают в сумеречные леса, влажные заросли, уводят на залитые солнцем поля. Чтобы, читая, он испытывал не возбуждение, а жгучее любопытство.

То событие – написала бы Событие, если бы не презирала использование больших букв без особой нужды, для многозначительности, – во многом перевернувшее её представления о себе, произошло осенью, в одну из последних постельных встреч с Марком. Последним свидание могло стать не потому, что дело шло к трагическому разрыву, просто Мардж собиралась заняться новой книгой: каждый год, когда погода начинала портиться, она прекращала светскую жизнь и углублялась в работу, выполняя обязательства перед издателем. И на несколько месяцев любовные дела приостанавливались, а чаще всего кончались, потому что по весне гораздо проще найти нового мужчину, чем объяснить старому, отчего она вдруг пропадала. «Да, ты говорила, что собираешься поработать, но неужели нельзя хотя бы раз в неделю встречаться, выходить куда-нибудь и и... ну, ты понимаешь».

Приходилось отвечать просто – «к сожалению, нельзя». Ведь невозможно втолковать человеку не пишущему, что текст не выносит соперников, что после секса она едва способна на эмоциональный выплеск в пятьсот слов, а чтобы ежедневно делать хотя бы полторы тысячи, нужны полная сосредоточенность и воздержание, в конце концов. Нет, не объяснишь, да и не любила Мардж сакрализировать профессию, прикидываться экзальтированной служительницей муз, трепаться о жертвенности и долге.

Была работа, которую надо сдать в срок, а если отношения мешают делу, то к чёрту такие отношения. И вот в одно из прощальных соитий с Марком, когда Мардж лежала на спине с подушкой под попой и силилась отвлечься от мысленного составления синопсиса – да, она уже была вся там, в будущей книге, – вдруг пришло поразительное чувство. Марк сделал какое-то особое движение бёдрами, и на Мардж накатило не физиологическое ощущение, не оргазм, а именно чувство, глубочайшее и сложное эмоциональное переживание: смесь вселенской тоски, нежности и одиночества, будто только что заглянула в чужой прекрасный мир и тут же его потеряла.

Это произошло так внезапно и мощно, что она заплакала и обхватила мужчину руками и ногами, прижалась к нему всем телом, и он почти сразу же кончил.

Кое-как избавившись от Марка, Мардж серьёзно призадумалась. Если бы во время секса мысли не гуляли далеко от кровати, она, возможно, и не заметила, не поняла бы так отчетливо, что экзистенциальный припадок вызван банальной стимуляцией некой точки во влагалище. Труднодоступной, видимо, потому что Мардж уже знала это состояние, но погрузалась в него

крайне редко, несколько раз в жизни, точнее, с несколькими мужчинами, которых по-настоящему любила...

И тут стало жутко и смешно одновременно.

«Чёрт побери, возможно, то, что я принимала за любовь, было всего-навсего физической реакцией на член определённой длины, толщины и кривизны. Вот это номер, а?» – Она нервно хихикнула.

Ведь не случайно её «главные любви» обладали привкусом потери. Самые драгоценные мужчины всегда оказывались чужими, ускользающими, и, да, тоска, нежность и одиночество, вот что разрывало сердце каждый раз.

Мардж думала об этом целый вечер, часть ночи и всё следующее утро, пытаясь вспомнить, при каких обстоятельствах влюблялась в своих роковых героев. Уж не в кровати ли это происходило? Теперь не проверить, почти все связи начинались с секса и гораздо позже развивались в область чувств – или не развивались, когда как.

Исключением был Брюс, только в нём она полюбила личность в чистом виде, а уж потом переспала. Хотя...

«Я тогда была такая дура, кто знает, в какой момент крыша поехала... Интересно, у меня вообще была хоть одна настоящая любовь в жизни?! Чёрт побери. Чёрт побери. Чёрт побери».

И сейчас Мардж решила, что неплохо бы наградить Долли этой особенностью и хорошенько исследовать её состояние. Бедная подопытная овечка! Но информации всё равно не хватало, а лезть в интернет боялась, потому что подозревала, какого рода новости ждали в сети – касающиеся не секса, а самой Мардж. Поэтому она решила поговорить с Карен.

К тому моменту их отношения стали безупречными: доктор занималась хозяйством, почти не попадаясь на глаза, и только когда Мардж выходила в холмы погулять и подумать, Карен деликатно отпрашивалась следом, стараясь держать её в поле зрения и не мешать. Военные после настоятельных требований Мардж не только удалились с территории дома, но и убрали свой лагерь из виду. Так что, если бы их вертолёты не шныряли иногда на горизонте, покой был бы полным. С другой стороны, только хорошая охрана и обеспечивала чувство безопасности. Она догадывалась, что вокруг кипят страсти, но пока не готова была выяснить, какие именно.

И за ужином, последней трапезой её тридцати восьми лет, Мардж сказала, что хотела бы вечером выпить с Карен по бокалу вина и немного посекретничать. Часов в девять они уселись на диване в столовой, и Мардж, путаясь и немного смущаясь, рассказала о проблемах своей героини. Не могла бы Карен, как врач, определить, насколько правдоподобна её выдумка.

– Речь не о пресловутой точке «джи», которую каждая современная девушка изучила подробнее, чем линию жизни на собственной ладони. Тут другое...

Карен пожала плечами:

– У меня тоже есть такое место, я нашла его в ту пору, как начала мастурбировать. На пальцах вряд ли смогу объяснить, но поверьте на слово, при стимуляции определённого участка я чувствую... коротко говоря, на меня обрушивается буквально следующее осознание: *«Мир такой большой и такой маленький»*.

– Ничего себе!

– Я хоть немного помогла вам?

– Спасибо, это бесценно. Пойду к себе, запишу кое-что. Ведь вы разрешите использовать рассказ?

– Разумеется. Если только не собираетесь вводить в текст персонаж Карен Розенталь, пятидесяти двух лет от роду, врача. – Она сдержанно улыбалась.

Мардж улыбнулась в ответ и с порога помахала рукой.

В общем, ничего особенного, но она не сдержалась и закричала от ярости. Тихое уединение предыдущих дней нарушилось самым гнусным образом. В комнату ворвалась Карен, оттолкнула её от окна и попыталась свалить на пол. Мардж опешила, но потом сообразила, что

её хотят уберечь от пуль. Тело доктора оказалось довольно тренированным, она бы, пожалуй, легко уложила Мардж, но разница в весе была значительной, поэтому Мардж лишь пошатнулась, отступила на пару шагов и рухнула в кресло.

– Что??

– Мне... мне в окошко кто-то плю-у-у-унул. – Собиралась посмеяться над незначительностью причины переполоха, но ей стало так обидно и противно, что слёзы сами закапали на голые круглые коленки. Оказывается, юбку тоже успела сбросить и теперь сидела перед Карен в лифчике и хлопковых белых трусах размера XXL. Она прежде не стыдилась своего тела и, уж конечно, не стеснялась бы врача, но мысль о том, что её нагота противна кому-то до такой степени, чтобы гадливо плевать, была невыносима.

Карен подошла к окошку, отчего-то хмыкнула и взяла со стола чистый листок. Аккуратно стёрла потёк и положила бумажку в карман, вместо того чтобы выбросить.

Движением тореадора сдёрнула с кровати покрывало и укутала Мардж. Неожиданно опустилась перед ней на колени, нежно тронула покрасневшее лицо и попыталась заглянуть в глаза:

– Мардж. Посмотрите на меня. Мардж. Не хотели поговорить две недели назад, но сейчас я вынуждена настоять. Вы не урод или монстр, никогда им не были и теперь уже точно не станете. Вы красивая женщина, но главное, желанная женщина. Самая желанная женщина на этой долбаной Земле.

Мардж посмотрела на неё с изумлением – непонятно, что больше потрясло, суть сказанного или грубое слово, прозвучавшее из уст всегда корректного доктора.

– Не утешайте, Карен, я ценю вашу доброту, но на меня только что плюнули, плюнули, понимаете?

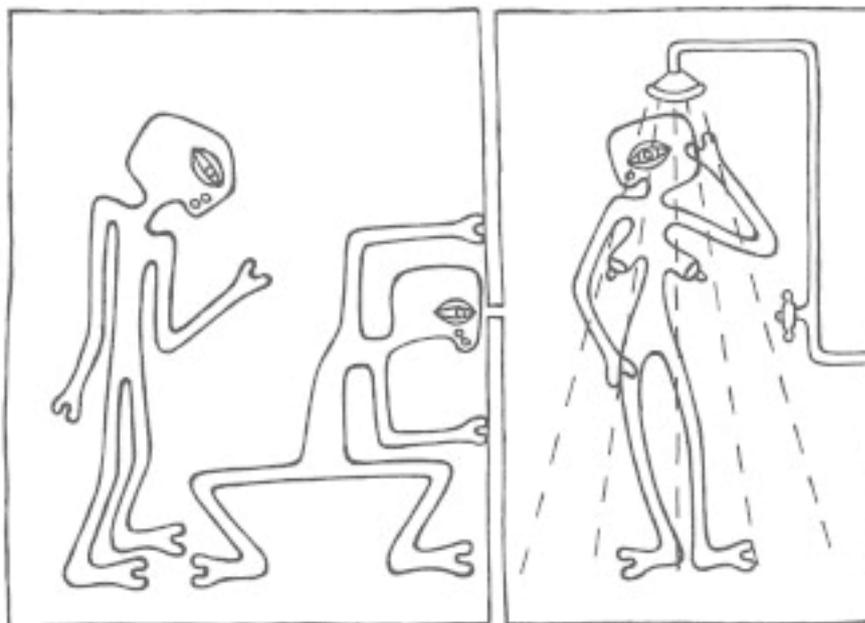
– Вы ведь уже не девочка, дорогая. Посмотрите сюда, это сперма, узнаете? – Она сунула ей под нос бумажку.

– Чего-о-о?

– Дорогая, кто-то мастурбировал под окном, пока вы тут разгуливали полуголой. Кто-то дрович, глядя на роскошное тело, последнее настоящее женское тело на Земле. И, если уж хотите знать, думая о вас, этим занимаются миллионы мужчин.

– Вы рехнулись? Что за чудовищные сексуальные фантазии? Это после нашего разговора вы так завелись?! – Мардж в ужасе попыталась отодвинуться и плотнее завернулась в покрывало.

«А если она на меня полезет?!»

– Успокойтесь, пожалуйста. Вы когда-нибудь испытывали недостаток в любовниках?

– Ещё чего!

– Вот именно, на пухленьких женщин был спрос во все времена. А теперь их нет, вдумайтесь, на Земле нет ни одной женщины с нормальной задницей. Кроме вас. Отчаянные вшивают имплантаты, а потом не могут нормально сидеть! Мужчины будто обезумели, им подавай то, чего на свете больше не существует!

– Не врите! В «Макдоналдсе» я видела в глазах людей только брезгливость и страх! – Незаметно для себя обе перешли на крик.

Мардж не выдержала, перегнулась через подлокотник, и её вырвало тушеной брокколи и красным вином.

Второе потерянное письмо

Здравствуйте, Марджори.

Это Хьюго, лесник, помните? Отправляя первое письмо, я надеялся на ответ и долго потом размышлял, почему же его нет. В том, что вы вежливо отвечаете поклонникам, я не сомневался. Может, вас насторожило несоответствие стиля – ведь я и не подумал сообщить, что до того, как сбежать в лес, был славистом и писал толстые исследования, которые никто не читал.

Потом началась вся эта заваруха, и, поверьте, я никогда не забывал о вас, такой беззащитной среди взбесившихся толп. Пытался узнать ваш домашний адрес, но не смог. Очень боялся, что вы погибли в Первые сутки. А потом, потом вас стало очень легко найти – фотографии теперь везде. Не знаю, могу ли я помочь, и нужна ли помощь. Есть маленький шанс, что вы, естественная, как цветок, сумеете приспособиться и научитесь получать удовольствие от происходящего. Кто знает? Надеюсь, мои страхи не подтвердятся.

Но если всё так, как я думаю... Марджори, умоляю, поверьте: я не маньяк и не лгун. Если вдруг понадобятся убежище и защита, я помогу. Прилагаю все мои адреса и телефоны, пусть будут у вас на всякий случай. С уважением, Хьюго.

Глава 4

Снилось, что она бродит по кондитерской фабрике, где нет ни одного человека, но машины продолжают работать, густой коричневый шоколад льётся по желобам, смешиваясь со сливками, ванильная пастила плывёт по конвейеру, а чаны с горячей карамелью источают плотный сладкий запах. От запаха и проснулась. У кровати стоял огромный букет белых лилий, среди стеблей виднелся кусочек картона.

«Ещё раз извините, Мардж. С Днём рождения, будьте счастливы».

Вчера Карен сумела взять себя в руки только после того, как Мардж стало совсем плохо. Профессионализм возобладал, она спохватилась, принесла воды, кинулась вытирать пол, не переставая приговаривать: «Простите меня, простите». Опомившись, Мардж потребовала объяснений:

– Карен, я не дура, у вас что-то личное ко мне. На истеричку вы не похожи, значит, затаили зуб. Говорите, или нам придётся расстаться. Я не готова жить со скрытым врагом под одной крышей.

Правда оказалась простой и немного жалкой, как это обычно и бывает с чужими секретами. В молодости Карен считала себя лишь немного полноватой, но с возрастом заметно отяжелела, поэтому обрадовалась возможности вернуть хорошую фигуру. Они с мужем вошли в пирамидку в числе первых, а через месяц Роберт переспал с какой-то безобразной жирной бабищей. Когда и та утратила свои килограммы, связался со следующей, потом сорвался с цепи и начал гоняться по всей Америки за исчезающими толстухами, безуспешно стараясь уговорить хоть одну не проходить Изменение.

Последнюю даже попытался запереть, но фокус с водой лишил его потенциальной сексрабыни.

– Видит бог, я не знала, что он так помешан на этом. Когда после сорока стала набирать вес и встревожилась, Роберт совершенно спокойно наблюдал мои попытки похудеть. Как потом сказал, просто был уверен, что ничего не выйдет. От пирамидки не отговаривал, не представлял масштаба бедствия. Думал, сброшу пару дюймов, но чтобы отошать до такой степени... Мы оба не чувствовали беды, раньше он никогда не был сексуально озабоченным. Кто бы мог подумать, что в пятидесятилетнем мужчине таятся бесы!

– Видимо, внезапно понял, что именно потерял. Как воздуха лишиться – мы же не думаем о нём, пока всё в порядке. Но я никак не могла предположить, что *это* для кого-то так важно.

– Мужчины! – прошипела Карен с непередаваемой интонацией, вложив в неё всю брезгливость, которую довелось почувствовать за последнее время.

Поначалу она пыталась бороться: накачивала мышцы, чтобы обрести хоть какие-то формы, интересовалась хирургической коррекцией – силикон в груди давно стал обычным делом, но как насчёт ягодиц? Оказалось, их наращивают довольно успешно, вот только слишком много всяких «но»: имплантаты не должны быть большими, изменённые организмы отвергают их гораздо активнее, да и по большому счёту проку мало: сухое жёсткое тело даже с небольшими подушечками это «не то». Роберт не смог примириться с произошедшим, сбежал и некоторое время куролесил по стране, а Карен наблюдала за его перемещениями по новостям – потеря очередной подружки всегда сопровождалась шумной публичной истерикой.

Финальное приключение с похищением закончилось тюрьмой. Карен не хотела иметь с ним ничего общего, но желание вернуть тело осталось. Когда в госпиталь привезли Мардж, она подумала, что Господь услышал её молитвы. А вдруг Изменение обратимо? Когда дело прояснилось, Карен была разочарована, но надежды не потеряла, поэтому решила всеми правдами и неправдами остаться при Мардж. Намекнула толстухе, что та нуждается в союзнике, представила убедительные аргументы начальству – да и врать почти не пришлось. Карен призна-

вала, что в её стремлении держаться рядом просматривалось нечто маниакальное, но уверила Мардж в отсутствии злого умысла:

– Что толку вредить? На вас и так обрушилось невыносимое испытание. Наоборот, Мардж, хочу помочь – я видела глаза своего мужа и других, таких же... У меня никого нет, ни детей, ни семьи, позвольте остаться и побережечь вас.

Мардж подозревала, что дело нечисто, но особого выбора не было. Требовать у правительства другую компаньонку опасно – теперь не угадаешь, что могут испытывать к ней женщины, вероятны и зависть, и ненависть, есть риск нарваться на психопатку похлеще Карен. Остаться одной – среди военных? после вчерашнего? ха! Довольно безобразный способ самоубийства, хотя и крайне пикантный.

Поэтому Мардж только для виду попросила у Карен времени на размышление, а для себя уже всё решила, из многих зол выбрав знакомое. На кресле лежало новое зелёное платье – простое, почти домашнее, но сшитое безупречно. Интересно, от кого? Мардж услышала, как за дверью суетится Карен, видимо, готовит завтрак. Приняла ванну, подкрасилась – хороша всё-таки, больше тридцати двух не дать, – и выглянула в столовую.

– Доброе у... – но не смогла закончить фразу. В лицо ударила фантастическая смесь ароматов – комната завалена цветами, вазы и корзины стоят на полу, дивана почти не видно, а под ногами – лепестки. И всё это пахло – сладко, тонко,пряно...

– Откуда это безумие?!

– Поклонники со всего мира присылают, пишут просто «Марджори Касас» и отправляют. К дому не подобраться, поэтому курьеры передают букеты военным, те проверяли их всю ночь и сегодня принесли самые красивые. На самом деле их тысячи. И подарки, Мардж, вы будете потрясены. Служба безопасности их тщательно исследует на предмет ядов и взрывчатых веществ, но я могу показать фотографии...

– Спасибо, я упаду в обморок, если проведу здесь ещё минутку. Может, позавтракаем в беседке?

– Вполне вас понимаю, там уже накрыто.

Мардж восхитилась сообразительностью этой женщины и за завтраком поспешила сообщить, что приняла решение в её пользу.

– Не хочу томить: вы нужны мне. Не уверена, что делаю правильный выбор, но одной не справиться. Оставайтесь.

– Спасибо, дорогая, вы не пожалеете, обещаю.

Неожиданно ворота за её спиной начали открываться. Когда створки разъехались полностью, обнаружился длинный чёрный автомобиль.

– Это что, торт привезли? – изумилась Мардж.

Из машины вышел водитель в идеальном костюме и мягко распахнул пассажирскую дверцу. Оттуда медленно выплыла фигура, пожалуй напоминающая безе, – смуглый мужчина в белоснежных арабских одеждах. Он величественно прошёл по узкому белому ковру, который перед ним раскатывали двое слуг, прямо до беседки под липами. Остановился и певуче произнёс несколько непонятных слов.

– Его Высочество приветствует прекрасную госпожу Касас, поздравляет с днём её драгоценного рождения и просит принять скромный дар.

Два охранника принесли квадратный свёрток, обернутый золотистой тканью, передали его толмачу, тот осторожно распаковал и подал принцу чёрную бархатную шкатулку. Тот, в свою очередь, протянул её Мардж. Она помедлила, поднялась, обошла стол. Когда она встала, по толпе мужчин, которых набежало изрядно, пронёсся сдержанный вздох. Принимая подарок, Мардж нечаянно коснулась рук принца и заметила, как по смуглому лицу пробежала судорога.

«Ещё вчера я бы подумала, что ему противно, а теперь подозреваю, он просто кончил. И противно уже мне. Неизвестно, что хуже». Она улыбнулась и поблагодарила.

Принц что-то ответил и отступил на несколько шагов.

– Его Высочество должен покинуть госпожу Касас, но память об этой встрече останется в его сердце навсегда. Он также изволил написать несколько фраз. – Переводчик положил на стол узкий поблёскивающий конверт, Мардж ещё раз кивнула, а принц развернулся и быстро удалился к машине.

«Даже не обернулся. Кремень мужик!» Толпа прислуги стремительно редела, и скоро двор опустел, ворота затворились. Женщины остались вдвоём.

– Конверт и коробка проверены?

– Конечно.

– И что там?

– В письме ничего особенного, стихи на арабском и предложение руки и сердца, а шка-тулку откройте.

Мардж подняла тяжелую крышку, и на её лицо упали разноцветные отблески.

– Твою мать!

– Сказать, сколько стоит?

– Не надо. И так ясно, что мне придётся купить Форт-Нокс, чтобы их хранить. Какой милый, а! Чего же он с нами не посидел даже, чайку не попил?

– Не по средствам, видимо. Десятиминутная аудиенция и так влетела ему в целое состо-яние.

Мардж немедленно ошетибилась:

– Правительство что, сутенёрствует потихонечку? Сдаёт меня в аренду поминутно?! Сво-лочи! И сколько ещё на сегодня лотов продано?

– Ни одного, Мардж. Президент приносит извинения и клянётся, что подобного не повто-рится. Но тут был крайний случай! Да она позвонит и всё расскажет, но просила, чтобы я объ-яснила. Не сердитесь, Мардж. Шейх предложил такой контракт на поставки нефти, что наши экономисты обезумели от восторга. А условие сделки было только одно – увидеть Марджори Касас.

– Неплохо придумано. А потом вам подсунут какое-нибудь военное или космическое соглашение. Или пригрозят бомбой!

– Типун вам на язык.

У Карен в кармане фартука зазвонил мобильник.

– Да, госпожа Президент, минутку.

Мардж взяла телефон и сказала «алло» – а что ещё она могла сказать?

– Дорогая Марджори, – торжественно произнесла трубка, – от имени Америки я поздрав-ляю вас с днём рождения и желаю долгих лет жизни, здоровья, процветания и счастья! Мы стоим на страже ваших интересов!

– Ага, спасибо. И торгуете посещениями в бордельчике?

– Марджори, простите, это было необходимо для блага Америки.

– Вот что, госпожа Президент, если такое повторится, я плюну клиенту в лицо!

– Вполне возможно, его это осчастливит, – хохотнули в трубке. – Нет, в самом деле, мы больше не будем. – Голос сделался виноватым. – Простите, Марджори. Нам с вами нужно встретиться и хорошенько поговорить. Можно я прилечу послезавтра?

Мардж на секунду задумалась:

– Давайте лучше в понедельник.

– Договорились.

Карен забрала замолчавший телефон и поинтересовалась:

– Скажите, вы всегда были такой нахальной?

– С теми, кто хамит, всегда.

– Но Президент!

– Конечно, можно ответить, что президентов много, а я теперь одна такая. Но я и раньше, с тех пор как вошла в осмысленный возраст, никому не позволяла себя использовать, по крайней мере, против моей воли.

– Дай-то бог...

– Карен, а торт мне сегодня всё-таки будет?

– Обязательно, вечером.

День выдался не очень жаркий, по небу то и дело пробегали облака, поэтому до самого заката женщины валялись на холме и рассматривали огромную стопку фотографий. На обороте каждой – подробное описание подарка: что, из чего, от кого и сколько стоит. Кроме того, снимки рассортированы по группам: драгоценности, одежда, книги, игрушки, предметы искусства, сувениры, всякого рода сертификаты, мелкая техника, автомобили, недвижимость, прочее.

Присылали подарки главы государств, крупные фирмы, мечтающие, что Мардж выберет их продукцию, сделав грандиозную рекламу, разные публичные персоны и, конечно, частные лица – мужчины, мужчины, мужчины. Особенно интересные картинки Мардж откладывала, но чаще просто просматривала, потому что никогда не была алчной, вещи вызывали в ней всего лишь любопытство, не отягощённое жадной обладания.

– Вот зачем мне третий ноутбук или новый телефон, пока старый работает? Зря потрачу несколько дней, пока перенесу все данные и освою управление. Да ну их... Ой, платье красивое! Оно на меня точно налезет?

– Ваши параметры стали достоянием всего света, всё здесь – одежда, обувь, перчатки – сшито точно по мерке.

– Кто это протрепался, хотела бы я знать... Коврик какой хорошенький.

– На нём выткан ваш портрет, заметили?

– Чёрт, я думала, это просто симпатичный поросёнок в шляпке.

Карен сообщила, что попадалось много, как бы это сказать, предметов фаллической формы, но «безы» старались щадить чувства именинницы – сфотографировали только изделия, имеющие художественную ценность или изготовленные из драгоценных металлов, например, золотой свисток или платиновый фонарик с бриллиантами – в виде членов, разумеется.

Мардж любовалась на роскошные сумки, колечки, машины, но на сердце становилось всё тяжелее. Куда ей, пленнице, надеть эти чудесные вещи, по каким дорогам гонять на красном кабриолете?

– Карен, здесь столько прекрасного, если вам понравится что-нибудь, возьмите.

– Спасибо, вы очень добры. Но мне ни к чему.

– Скажите, а от моих знакомых ничего нет? Энн, Марк, Крис?

– Возможно, их поздравления пришли по электронной почте. И сегодня, часа в четыре, должен позвонить Джон Касас. Ваш мобильник так и лежит отключённым, поэтому он свяжется по моему номеру.

– О, братишка! Как хорошо!

Тысячи людей старались её порадовать. Мардж глубоко тронула весточка от Папы Римского – Отец Церкви передал своё благословение, несколько ободряющих слов и приглашение в Ватикан. Вообще, приглашений было много, при желании можно всю жизнь провести в лучших отелях мира, но только в сопровождении небольшой армии.

Издатель прислал открытый контракт – договор на новую книгу, а сумму гонорара Мардж могла вписать сама. И, наконец, Америка подарила Марджори дом, в котором она сейчас жила, и её городскую квартиру, выкупленную у прежних хозяев.

– В конце концов, – заметила Мардж, – во всём есть свои плюсы. Теперь я смогу завести котёнка.

К ужину они вернулись, именинница получила свой торт со свечками – достаточно большой, чтобы на нём разместились все тридцать девять штук. В половине одиннадцатого Карен настойчиво предложила ещё разок выйти из дома и забраться на соседний холм. Предвкушая сюрприз, Мардж согласилась. Как только они взбежали на вершину, раздался грохот, и в темнеющее небо взлетели салюты. Они потеряли счёт залпам и просто любовались на диковинные цветы, раскрывающиеся в лиловой выси. Мардж легла на спину и смотрела, смотрела, предчувствуя, что безмятежных минут в её жизни осталось не так много. Может быть, пока не догорит последний всполох.

Следующий день она провела в сети. Карен не солгала, хотя Мардж предполагала, что шумиха вокруг её имени не так уж и велика, более того, тайком малодушно надеялась, что часть вчерашних событий просто-напросто была сном. Потому что, в самом деле, цветы, шейхи, бриллианты, президенты и салют, это немного слишком не только для одного дня, но и для одной жизни. Вдруг всему виной буйное писательское воображение? Вдруг? «Пожа-а-алуй-

ста, – мысленно клянчила Мардж непонятно у кого, пока загружался ноутбук, – пусть мне приснилось всё или хотя бы часть вчерашнего дня...»

Но первая же новостная лента подтвердила слова Карен. Факты из жизни ЭмСи², подборка фотографий ЭмСи, репортажи со вчерашнего празднования дня рождения ЭмСи – его, оказывается, отмечали в нескольких городах, – интервью с друзьями ЭмСи... А вот это уже интересно. Марджори кликнула на заголовок и открыла огромную статью.

Оказывается, журналисты сбились с ног, разыскивая всех, кто имел к ней отношение, начиная с официантов в любимом кафе и кончая соседкой по парте в начальной школе. Мардж рассматривала фотографии «родственников и друзей», узнавая едва ли каждого десятого. Кто все эти люди?! Хотела отыскать Энн, но наткнулась на кричащий анонс: сегодня в прямом эфире одного из крупнейших каналов состоится встреча с возлюбленными ЭмСи. Три мужчины согласились рассказать о некоторых интимных аспектах жизни несравненной!

Мардж захлопнула ноутбук и закрыла глаза. Кто? Кто из её любовников оказался способен на такую мерзость? Припомнила кое-какие лица и события, холодея, представила, как та или иная история звучит на всю страну. В конце концов, устала мёрзнуть и выбралась в столовую выпить чего-нибудь горяченького.

Карен без звука подвинула ей чашку чая, от которого поднималась тонкая струйка пара.
– Вы святая.

– Нет, но я тоже читаю новости.

Мардж оживилась:

– Карен, дорогая, пожалуйста, запретите им! Ну, не вы, а Президент, пусть позвонит и отменит эфир!

– Извините, но страна не готова к революции. Судя по опросам, программу собирается смотреть всё взрослое население Америки, и, если мы вмешаемся, грянут беспорядки. В этом году лимит глобальных катастроф исчерпан, ещё одной нам не вынести. – Карен шутила, но ответ был недвусмысленным – передача состоится.

Мардж поплелась в беседку, но по дороге неожиданно вспомнила, что так и не удосужилась включить мобильник. Может, удастся найти кого-то из бывших и выяснить, кто эти три мудака, а потом попытаться их убить... то есть подкупить. Одного только содержимого черной

² Mardjori Casas.

шкатулки хватит, чтобы заткнуть рты целой армии любовников. «Да я нафарширую их бриллиантами, как гусей – орехами! А потом... потом обязательно съем их печень».

Завернула в кладовую, отыскала на полке телефон и, выбравшись к свету, нажала на кнопку включения. Экран загорелся, пошла загрузка, поиск сети, через полминуты она нашлась... и немедленно замигал значок сообщений. Они сыпались, сыпались, пока телефон не сообщил о переполнении памяти (а карточка в нём будь здоров), а потом аппарат зазвонил. Номер высветился незнакомый, Мардж с некоторой опаской выбрала «ответ» и вопросительно сказала:

– Алло?

На том конце линии раздался рёв:

– АААААААА!!!! Она ответила! Мне ответила Марджори Касас!!! ООООО!!

Мардж размахнулась и шарахнула телефоном по столу, но он всё не затыкался, тогда она сбросила его на землю, несколько раз наступила, но мягкая домашняя туфелька не причинила серьёзного вреда. Взяла шнурок двумя пальцами, как дохлую крысу за хвост, и побежала к декоративному водоёму, который журчал неподалеку от беседки, а телефон тем временем разрывался от очередного звонка. Тогда она опустила его в ручей и держала под водой, пока он не умер. Потом Мардж, конечно, сообразила, что импульсивный жест стоил всех контактов, записанных в памяти, но в тот момент хотелось одного – тишины. Тишины и правды. Поэтому, наскоро похоронив чёрный трупик в клумбе, отправилась на поиски Карен. Та хлопотала на кухне.

– Кто продал мой номер? – грозно спросила Мардж, хотя и понимала, что Карен последний человек, которого можно в этом обвинить.

– Всех перечислить? – холодно осведомилась доктор. – Вы уже не первый раз задаёте странные вопросы. Кто сообщил журналистам имя, телефон, размеры одежды... Неужели надеетесь, что существует какой-то один предатель, который сливает информацию?

– Их несколько, что ли? – севшим голосом спросила Мардж.

– Скорее, я могу сказать, кто этого не делал. Самым сдержанным оказался Джон, и в некотором смысле немногословны сотрудники «Харпера». И если брат по-настоящему преданный человек, то издатели, похоже, просто опасаются вашего гнева. Имя-то они скрывать не стали... Кстати, уже пришли уведомления о дополнительных тиражах? Несколько типографий в экстренном порядке допечатывают ваши книги. С портретами на обложках...

– Только вашего яда мне не хватало. Нет, я ещё не смотрела почту. Надеюсь, не все ящики погибли, хотя глупо рассчитывать, что они не ушли с молотка.

Вернулась к ноутбуку и начала подсчёт потерь. Личная почта переполнена. Не стала читать ни одного письма, просто нажала несколько кнопок и удалила ящик с сервера безвозвратно. Заглянула в блог, который вела, как и всякий писатель, для обратной связи с публикой, ужаснулась, немедленно закрыла возможность оставлять сообщения и тоже удалила загаженную почту. И только третий адрес, по которому велась деловая переписка с «Харпером», держался. Лишь два десятка истерических посланий с баснословными предложениями – речь шла о переизданиях и новых проектах, и чем дольше она молчала, тем выше становились ставки. Финальный аккорд прозвучал вчера – договор с открытой суммой.

«Таки я неплохо умею торговаться, этого не отнять, – подумала мрачно, – всего-то и надо несколько дней не смотреть почту».

Пожалуй, послезавтрашняя встреча с Президентом имеет некоторый смысл. Если она, Мардж, не хочет провести остаток жизни в подземном бункере, придётся жестко регламентировать отношения с внешним миром, обеспечить сохранность тайн и надёжную связь с теми, с кем хотелось общаться *ей*. Правда, говоря по справедливости, сейчас трудно вспомнить кого-нибудь подходящего. Ничего, сначала всё организуем, а уж люди-то найдутся. Теперь Мардж решила стать более придирчивой в выборе друзей.

На мгновение представила себя в хрустальном бассейне, в окружении величайших секс-символов планеты...

Тьфу, гадость какая.

Одно ясно – несколько ближайших дней придётся потратить не на книгу, это точно.

Земля плыла под ногами, никого не осталось рядом, только непутёвый малыш Джонни сохранил верность. Вспомнила вчерашний разговор:

– Привет, сестричка! С днём рождения! Ну и заварила же ты кашу!

– Я? Да я сама в этой каше варюсь, как кусок грудинки. Ты-то как, Джонни?

– Кстати, я больше не Джон Касас.

– Чего?? Имя сменил, дурачок?

– А ты как думала? И всё из-за тебя! Большая удача, что парни в пиджаках нашли меня раньше, чем твои долбанутые обожатели. Сидеть бы мне сейчас в подвале на цепи в качестве заложника, ожидая, когда ты отдашься какому-нибудь маньяку в обмен на мою жизнь. Ты бы переспала ради меня с маньяком, а?

– Не болтай глупостей, дальше-то что было?

– Ну, прихватили твоего братика «безы» и всё подробно объяснили. Джона Касаса больше не существует, а у меня теперь новый город за окном, новая ксива и новый нос на всякий случай.

– Судя по тому, что ты до сих пор не протрепался, ничего конкретного мне знать нельзя?

– Говорят, на самой проверенной линии возможна утечка. Но я буду звонить каждую неделю, сестричка.

– Спасибо, малыш. И прости.

– Да не за что. Боссы накрошили денег, так что я только в выигрыше от этой истории.

– Ты ловкач, Джонни.

– Ещё бы! Целую, сестрёнка, держись.

– Постараюсь, милый.

И Мардж решила держаться.

– Надо отметить, – с деланной скорбью сообщила девица, – что сотни самозванцев поторопились объявить себя любовниками госпожи Касас. Поскольку мы не смогли связаться с ней, нам пришлось провести тщательное расследование, опросить Близких Друзей и даже провести некую литературную экспертизу, сличая персонажей и прототипы. И мы готовы познакомить

вас с тремя мужчинами, чьи отношения с ЭмСи подтверждены практически документально. Итак, встречайте: последний любовник несравненной!

Мардж очень хотелось зажмуриться и заткнуть уши. Но она смотрела. Раздались аплодисменты, и в студию танцующей походкой вплыл Марк. Он был аккуратно подгримирован, великолепно одет и производил сногшибательное впечатление, но Мардж уставилась на него, как на кусок дерьма, внезапно обнаружившийся в фамильной супнице из веджвудского фарфора: с ужасом и долей гадливого любопытства – как, как могло произойти, чтобы золотистый бульон с фрикадельками превратился в такое?

Марк уселся, закинув ногу на ногу, и обаятельно улыбнулся в камеру.

– Расскажите нам о вашей великой любви, Марк! – проворковала ведущая.

Марк немедленно стёр улыбку и картинно прикрыл лицо рукой:

– Она похитила мой покой! Помню, в нашу последнюю встречу, страстно сжимая в объятиях бесценное тело, я умолял Мардж не уезжать. Но работа превыше всего! Она рыдала, как дитя, но осталась непреклонна.

– Что ж, гений ЭмСи виден во всём: если бы она поддалась на ваши уговоры, мы бы её потеряли, Изменение неминуемо состоялось бы.

– О да, она не только сексуальна и умна, её интуиция поражает. В постели... нет, я не готов сообщать интимные подробности, но поверьте на слово, более чуткой и отзывчивой любовницы мне не встречалось. Она угадывала самые потаённые желания...

Мардж не верила ушам. Нет, она и правда ничего себе трахается, но изумляло другое – как неглупый и тонкий человек, каким казался Марк, мог нести такую запредельную свирепую пошлость?

Его речь, смахивающая на порнорассказ, адаптированный для глянца, приближалась к концу. Время истекало, и ведущая взяла слово:

– Возможно, госпожа Касас сейчас смотрит ваше выступление и, как и все мы, утирает слёзы умиления. Что бы вы хотели сказать ей, Марк?

Он вскочил, раскинул руки и простонал:

– Я люблю тебя, Мардж, приди же ко мне!

Камера приблизила его лицо, перекошенное фальшивой экзальтацией, и Мардж не устояла перед искушением. Она ловко плюнула в экран и тут же полезла за бумажной салфеткой.

После рекламной паузы девица объявила следующего гостя:

– В сердце ЭмСи есть место не только страстям, но и нежной духовной привязанности. Встречайте: бывший любовник и преданный друг на все времена!

Крис выглядел неплохо для своего возраста: красные прожилки, испещрившие бледную кожу массивного носа и вялых щёк, тщательно запудрены, кое-где для пушей томности положены тени. Редкие светлые волосики, которые раньше доходили до плеч и придавали Крису неопрятный вид, теперь пострижены довольно коротко: суровый скандинавский воин, вышедший на тропу любви.

– Смело могу сказать, что, хотя наша связь прекратилась много лет назад, никто не знает Марджори лучше меня. Ещё студенткой она поверяла мне секреты, шептала на ухо сокровенные мысли, делилась надеждами и чаяниями. Мы перемежали словесные излияния поцелуями, а любовные игры – совместным творчеством. Я руководил написанием её первой книги, был суровым критиком и добрым учителем, и Мардж через годы сохранила благодарность и уважение ко мне. Она несла каждую книгу мне, как самому строгому судье. Я думаю, именно почтение убило нашу страсть, но я никогда не забуду её вдохновенное тело, полные ноги, жаркий рот...

«Сука, он сказал “словесные излияния”!» Мардж разобрал смех, она сложила указательные и большие пальцы так, чтобы руки походили на пару гусей, орущих друг на друга нос к носу, – во времена её детства этот жест назывался «бла-бла-бла», и дурашливым голосом

озвучила их: «Ты это слышишь?» – «А ты?» – «Баклан, он сказал “вдохновенное тело”!» – «Прикольно!»

Крис тем временем закончил расписывать её прелести и, проникновенно приговаривая: «Дорогая, я жду тебя!», удалился.

«Вот ведь, – искренне удивилась Мардж, – врут как на покойницу».

Во время ролика, посвященного силиконовым вставкам в лифчики («Никакого риска для здоровья и приятная мягкость на ощупь!»), Мардж гадала, кого ещё выкопали чёртовы журналисты, но ни одно предположение не подтвердилось.

– Она всегда была роковой. Разбитые сердца и сломанные жизни устилали её путь. Встречайте: первая любовь и первая жертва!

Он выглядел трясущейся развалиной, хотя ему было далеко даже до пятидесяти. Но слабое испитое лицо, костлявые руки и сутулая спина могли принадлежать старику, и подтянутая пожилая дама, придерживающая его за плечи, казалась старшей сестрой, а не матерью. Мардж сначала узнала её и только потом выдохнула – Брюс.

– Эта женщина погубила моего сына, – безапелляционно заявила дама, – он боготворил её, она год вытирала об него ноги, а потом вильнула хвостом. Брюса пришлось поместить в лечебницу, и только через несколько месяцев он пришел в себя, но окончательно подорвал здоровье.

– Мардж была совсем девочкой, когда растоптала меня, размазала по асфальту. Она была нежной и страстной, любила кусаться в постели, до крови царапала спину, но эта боль – ничто по сравнению с болью, которая обрушилась, когда она ушла. Будто кишки прожгло, я мог заснуть, только обняв платье, которое она однажды у меня оставила. Мама хотела его сжечь, но я пригрозил самоубийством, и она поклялась положить платье со мной в могилу. Я чувствую, это произойдёт совсем скоро. Двадцать лет непрерывной муки истощили плоть и надорвали

сердце. Мардж, Мардж, что ты сделала со мной! Его мутные глаза заняли весь экран и заволклись слезами.

Мардж не выдержала и заревела. Скинула ноутбук с колен, побежала в соседнюю комнату и бросилась на шею Карен. Та одной рукой нащупала пульт, погасив телевизор, а второй ободряюще похлопала широкую вздрагивающую спину Мардж:

– Ну, ну, детка! Вы так много плачете в последнее время.

Но Мардж не слушала, она всхлипывала и приговаривала:

– Он псих, псих, и он уже был таким, когда мы познакомились. Брюс не умел быть счастливым и всю жизнь выискивал поводы для горя. Я его любила! Правда! Но не смогла вынести вечное нытьё. Он упивался несчастьями, а теперь всё свалил на меня!

– Истинная правда, дорогуша.

– Но его так жааалко...

Глава 5

Госпожа Президент Североамериканского Союза прибыла в понедельник после обеда. Постучала в дверь и весело спросила: «Есть кто дома?», подчеркнув тем самым неофициальность визита, вроде как мимо шла и по-соседски заглянула. Если бы всё утро по окрестностям не метались взбесившиеся, как осы, вертолёт, Мардж бы точно поверила. А так она просто поднялась и сказала:

– Добро пожаловать, госпожа Президент!

– Ах, зовите меня Оливия! – Властная чёрная дама (бывшая до заварушки Госсекретарём) изо всех сил старалась смягчить взгляд и голос. Она осмотрелась: – Так вот как живёт самая знаменитая женщина планеты! Вы невероятно скромны.

Мардж вздохнула и перешла к делу:

– Оливия, большое спасибо за этот дом и охрану. Благодаря вам у меня было время прийти в себя и оценить ситуацию.

– Мы обязаны заботиться о благе наших граждан, Марджори.

– Большая удача, что мои интересы пока совпадают с интересами «ваших граждан».

Визит шейха показывает, что возможно всякое.

– Ещё раз извините...

– Да полно, я знаю, чего стоят извинения, – в любой момент может подвернуться какое-нибудь очередное «благо нации», ради которого вы пожертвуете мною, не раздумывая. Поэтому хочу поговорить начистоту. Мне нужны покой и безопасность, при этом я не желаю сидеть взаперти до конца своих дней. А чего хотите вы?

– Сотрудничества.

– Конкретнее.

– Дорогая Марджори! – Президентша набрала воздуха, чтобы произнести заготовленную речь, но потом махнула рукой и сказала устало и почти безнадежно: – Вы требуете невозможного. Пожелайте стать самой богатой женщиной в мире или возглавить правительство, и мы легко это устроим. Но вот покоя обещать не можем. Наши аналитики не в состоянии делать мало-мальски точные прогнозы – такое ощущение, что население немного свихнулось. Вмешался фактор, который никогда не считался определяющим, я говорю о сексуальности. Одно утверждаю со всей уверенностью: если вы в ближайшее время не покажетесь на публике, произойдет взрыв. Пошли слухи, что правительство прячет вас, используя для своих нужд (в том числе и непристойного характера). Кое-кто считает, что ЭмСи не существует, но большинство одержимы желанием убедиться в обратном. Возможны беспорядки, попытки покушений, конфликты на уровне государств. Умоляю, хотя бы несколько выступлений: пресс-конференция, видеоролик, встреча с народом. Безопасность гарантируем. Но если вы затаитесь, мы бессильны.

– Неужели снимете охрану?

– Нет. Но любые заслоны можно прорвать. В конце концов, вас могут попытаться убить, а это... не невозможно.

– Кому, интересно, такое придёт в голову?

– Безумцу с мотивацией «так не доставайся же ты никому». Женщине, которую покинул муж, свихнувшийся на ваших фотографиях, – такие уже есть, мне докладывали. Религиозным фанатикам, для них вы средоточие дьявольского соблазна. Террористам.

– А вы не преувеличиваете?

– Знаете, сколько подарков, присланных на день рождения, содержали смертельную начинку? Сколько попыток проникновения сюда пресечено? Хотите поговорить с главой Службы безопасности?

- Нет. – Мардж вздрогнула.
- Истерия нарастает, отсидеться не получится. Помогите нам, Марджори, и мы сделаем для вас что угодно.
- Что ж, я склонна поверить. Если я проведу две или три встречи, это разрядит обстановку?
- Безусловно!
- Хорошо. Подумаю, что может понадобиться, кроме охраны, и сообщу. Но для начала нужна связь. Я хочу иметь номер телефона и электронный адрес, защищённый и совершенно секретный, чтобы связываться с... с теми, с кем я пожелаю связаться.
- Это несложно. Ещё что-нибудь?
- Одно, пожалуй. Мне ведь понадобится услуга, охрана – как я предполагаю, вокруг постоянно должны находиться десятки людей?
- Конечно. Вам надоела эта ваша... Карен Розенталь?
- Нет, пусть остаётся. Но я настаиваю, чтобы основную часть окружения составляли геи.
- Кто??? Ах да, вполне вас понимаю. – Оливия посмотрела задумчиво. – Бедняжка, вы ведь совсем не рады.
- Чему? На меня обрушился кошмар, где тут поводы для восторга?
- Ну, женщинам обычно нравится, когда их хотят...
- Оливия, когда тебя хочет любовник или два, это здорово. А я... каждый раз, когда до меня докатываются волны массовой похоти, чувствую себя изнасилованной. И не так, знаете ли, сладко, как в садомазофантазиях. Как по горло в дерьме стоять.
- Ох, Марджори... Если понадобится, я найду евнухов, только бы вам стало чуточку легче.

«После того эфира, – злобно думала Мардж, – у меня есть парочка кандидатов на кастрацию. Вот только видеть их не желаю». Во время беседы её неприятно поразила мысль, к делу не относящаяся. Когда обмолвилась о новом номере и адресе, вдруг поняла, что человека, с которым сейчас могла и хотела бы общаться, не существует.

Бродила по дому, прикидывая, что стоит взять с собой на гастроли в столицу. Маленький ноутбук, вот что. Поработать там не дадут, понятное дело, но ей будет спокойнее. Ещё нашла тонкий шнурок, прицепила к нему флэшку и повесила на шею – для сохранности. Ну вот, можно ехать. В белой-белой комнате на белом-белом диване в белом-белом платье сидела Мардж – мрачнее тучи. Гостиничный номер нельзя было назвать роскошным – его создавали где-то за пределами денег и далеко за пределами здравого смысла. Невозможно понять природу окружающих шелковистости и мягкости, блеска и света – то ли кожа, то ли бархат; то ли мех, то ли пух; то ли тончайшая паутинка, то ли вовсе световая проекция. И всё белое.

Проведя почти четыре месяца на свежем воздухе, вдали от косметолога и парикмахера, Мардж чувствовала себя заскорузлой крестьянкой – даже сейчас, после того, как её отдали во власть блондинистых ангелов, которые захлопотали над её лицом, волосами и руками.

– Аах, – кружились и пели создания причудливого пола, – как же можно так себя запускать. Ах, какая у нас появилась процедура для вашего типа кожи, секретная разработка, невиданное сияние эпидермиса. Ах, новая коллекция маникюрных покрытий вас поразит – стразики в этом сезоне совершенно революционного оттенка. Ах, какие тенденции сейчас в мире причёсок, вижу вас в креативной стрижке с прядями шести цветов. Ах...

– Брысь, – сказала Мардж часа через три, – то есть спасибо, конечно, но брысь. Ничего выстригать, красить и татуировать мы не будем. Может быть, в другой раз.

Разочарованно шелестя, ангелы отлетели, им на смену пришёл стилист, который, слава богу, болтал заметно меньше, просто показал эскизы платьев, и они выбрали девять на три дня, что с учётом двух мероприятий, видео-съёмки и фотосессии – сушии пустяки.

К Мардж приставили пресс-секретаря, корректного сорокалетнего мужчину без чувства юмора. Когда он вошёл, Мардж забеспокоилась и тихонько дернула за рукав Карен – вездесущую, но незаметную: «А точно голубой?»

«Как небо», – одними губами ответила та.

Серджио в самом деле излучал безразличную вежливость и безупречное стремление выполнить работу наилучшим образом.

– Марджори, на ваше имя поступило несколько тысяч писем, не только электронных, но и бумажных. С ними сейчас работает специальный отдел. Послания от частных лиц мы отсеиваем, но вы, разумеется, можете их прочитать, если захотите.

– Боюсь, что не захочу.

– Я так и подумал. Почту от бизнесменов, политиков, общественных организаций и медийных персон мы также сортируем. На данный момент набралось около сотни писем, которые вам стоило бы посмотреть.

– Пожалуйста, отберите половину и доставьте мне сегодня вечером.

– Хорошо. На завтра у вас назначен приём, в три часа дня. Здесь, в отеле, соберутся девять самых влиятельных лиц государства.

– Что ж, я это выдержу. Лишь бы мне не пришлось для них готовить.

– Не беспокойтесь, на нас работают лучшие в стране повара. – Серджио не улыбнулся, и Мардж устыдилась своей неуклюжей шутки. – Послезавтра, в шесть часов пополудни, состоится ваше выступление перед публикой. Служба безопасности пришла к выводу, что самым надежным будет произнести речь с балкона.

– Чтооо? Мне придётся орать лозунги с двенадцатого этажа?!

– Нет, всего лишь с шестого. К тому же вам дадут микрофон. Я написал текст. – Он протянул несколько листков.

– Спасибо, Серджио, я с ним обязательно ознакомлюсь, но должна отметить, что моя профессия подразумевает умение обращаться со словами не хуже вашего.

– Не сомневаюсь, но вас услышат миллиарды.

– Прямо тут и соберутся?

– Нет, будет организована трансляция и...

– Извините, я пошутила.

– А сегодня у нас по графику видео- и фотосъёмка.

Без скандала, разумеется, не обошлось. Мардж думала, что ей придётся всего лишь стоять в романтических позах, смотреть вдаль и всё такое, но фотограф требовал эротических ракурсов, пытался засунуть объектив то в лиф, то под подол, приговаривая, что народ жаждет видеть подробности. Он невозмутимо вертел Мардж, переключивая её руки, передвигал ноги, как куски мороженого мяса, добываясь самых неестественных положений. И Мардж, обычно довольно раскованная перед камерой, в конце концов одеревенела, отказалась шевелиться и потребовала, чтобы её оставили в покое.

Кажется, ничего особенного, но к вечеру Мардж вымоталась, как лошадь, рухнула в постель около десяти и немедленно заснула, так и не посмотрев письма. После завтрака на неё опять обрушилась армия косметических маньяков. Мардж, наученная опытом, велела им ничего не стричь и не красить, а потом расслабилась и задремала. В зал приёмов она спустилась отдохнувшей и очаровательной. Обед прошел мирно, не считая того, что один официантик, подлив воды в её бокал и отойдя негнушными ногами на пристойное расстояние, лишился чувств. Но все предпочли сделать вид, что ничего не заметили, а тело унесли быстро и беззвучно, как упавшую салфетку. Мардж рассматривала сотрапезников, но большая часть лиц оказалась незнакомой. Ну да, Серджио же сказал «влиятельные», а это отнюдь не то же, что и

«знаменитые». Впрочем, президентше Оливии Мардж обрадовалась как родной. Чувствовала себя немного скованно, но втайне гордилась, что ни разу не запуталась в приборах, – правда, на всякий случай отказалась от рыбы, потому что выбрать правильную вилку было выше её сил.

После десерта все перешли в уютную гостиную с диванами и камином – невероятно, что в этом лощёном месте могут обнаружиться такие милые комнаты. Гости непринужденно беседовали, но Мардж поняла, что главное испытание сегодняшнего дня не в экзамене на правила хорошего тона, оно начиналось сейчас. Она теперь не просто писательница, толстуха под сорок, она – Фактор, влияющий на политику, состояние умов, экономику, на всё на свете, и эти люди, сосредоточившие власть в своих руках, вынуждены её учитывать. И они намерены хорошенько изучить новую переменную в сложных уравнениях.

Мардж не стала делать вид, что ничего особенного не замечает, наоборот, уселась в кресло возле низкого столика и стала ждать, кто первым займёт соседнее. Её маневр не укрылся от взгляда высокого хладнокровного блондина, который одобрительно кивнул и расположился в отдалении – наблюдать.

Первой приблизилась дама, в чьих костлявых ручках находилась фармацевтическая промышленность и, как она осторожно намекнула, ещё кое-какие вещества. Она горестно пожаловалась, что рынок рушится, всякого рода похудательные добавки сняты с производства, да и народ недопустимо поздоровел, хороший обмен веществ пошёл им на пользу, а ей во вред.

– Но я вижу новую золотую жилу – сексуальные стимуляторы. Мужчинам нужны силы, чтобы улаживать своих отощавших жёнущек. И в этой связи я хотела бы обратиться к вам, прекрасная Марджори: с вашим лицом и... ммм... телом на упаковках продажи лекарств взлетели бы до небес.

Мардж скрипнула зубами, но улыбнулась и пообещала подумать.

«Медичка» ушла, окрылённая, а её место занял хитроватый лысеющий господин и с ходу похвастался, что контролирует печать.

– Всю? – с иронией спросила Мардж.

Он серьёзно ответил:

– Семьдесят процентов книг, выходящих в Североамериканском Союзе, так или иначе приносят мне доход.

– Вынуждена вас огорчить, но я работаю с...

– Знаю, и меня это не огорчает, а несказанно радует, ибо я не чужд...

Далее он рассыпался в похвалах её творчеству, сообщил, что читал некоторые произведения, и даже вспомнил несколько названий, но переврал их так безбожно, что Мардж поняла – пресс-секретарь только сегодня подсунил ему список. Он посулил миллионные тиражи и грандиозные доходы. Иллюстрированная биография, вот чего жаждет мир, тайная жизнь и много-много фотографий! Эта книга будет в каждом доме!

Мардж кивала, попыталась вставить несколько слов о своей новой работе, и печатник возликовал:

– Да, да, новый роман! И много, много фотографий!!!

Он удалился, и в нагретое кресло плюхнулся рыжий человечек с обаятельным подвижным лицом. Мардж он показался самым живым и симпатичным из всех присутствующих.

«Любопытно, чем он занимается?»

– Я порнограф, детка. Величайший порнограф этой долбаной страны.

«Тьфу ты, господи, жалость какая», – мысленно огорчилась Мардж, а вслух сказала:

– Очень жаль, но ваш бизнес лежит вне сферы моих интересов.

– Само собой, детка, ты честная женщина и всё такое. Но ты не представляешь сумм...

Как ни странно, Мардж не разъярилась, хотя в последнее время зверела от любых непристойностей, связанных с её именем. Она с неподдельным интересом спросила:

– Слушайте, а вам что, мало видео с толстухами, которого в интернете – тетрабайты?

– Видишь ли, это несуществующие толстухи. Нет, худо-бедно ролики работают, но мужикам мешает сознание, что это всего лишь цифровые картинки, за ними нет живых женщин. В то время как вид настоящей Марджори Касас даст умопомрачительной эффект! Ладно, можешь начать с откровенных фоток, я и не думал делать из тебя порнозвезду так сразу.

– Ещё чего.

– Покажи им хотя бы сиськи!

– Друг мой, – ласково сказала Мардж, – идите в жопу. Сейчас!

– Ладно-ладно, не кипятись и подумай.

Она ещё не решила, разозлиться ей или рассмеяться, когда из своего угла выбрался внимательный блондин.

– Мне нравится, как вы держитесь. И этот ход с креслом был очень ловкий – сразу понятно, кто здесь главный, а кто пришёл на поклон.

– Спасибо. Наверное, нужно спросить, для чего *вы* хотите использовать мои фотографии, – больше, кажется, ничего от меня не требуется.

– Не угадали, Марджори, я интересуюсь вашим мозгом.

– Не в физическом смысле, надеюсь? Никаких пункций для опытов?

Блондин негромко, но искренне засмеялся:

– Они вас немножко затравили, да? Чувствуете себя мясом?

– Ох да. «Немножко» – не то слово.

– Не бойтесь, я не по этой части. Коротко говоря, моя сфера – формирование общественного мнения в интернете. Вы много времени проводите в сети?

– Да, и она кажется совершенно аморфной и неуправляемой.

– Это комплимент моей работе, спасибо. Всякого рода стихийные флэшмобы; шокирующие факты, которые обнародуются в каком-нибудь крошечном частном блоге, а потом непостижимым образом разлетаются по всему миру, круша репутации; внезапная поддержка населением непопулярных решений правительства... – сталкивались когда-нибудь с такими удивительными явлениями?

– Конечно. И это – вы?

– Да. Большая часть «неуправляемых» процессов тщательно контролируется.

– Серый кардинал... И чего вы ждёте от меня?

– Нужных слов в нужный момент. У вас ведь есть блог? И к нему сейчас приковано самое пристальное внимание. Если Марджори Касас обронит пару слов по какому угодно поводу, это произведёт потрясающее впечатление.

– Хотите, чтобы я, между прочим, писала о «невероятных сырках от *sweety kitty*»?

– Зачем же так грубо. Разве что пожелаете легко заработать кучу денег, но я полагаю, для этого у вас найдётся много других способов. Например, фото. – Он съязвил, и Мардж это понравилось. – А я предлагаю настоящую власть над умами, а не только над членами. Ваша фраза – и одна фирма разоряется, а другая богатеет. Или где-то меняется правительство...

– Заманчиво. Но есть один вопрос.

– Слушаю.

– Вся история со мной: появление новости с фотографией в интернете, мгновенное опознание, массовая истерика, разгоревшаяся менее чем за месяц, – к этому вы тоже имеете отношение? – И она посмотрела ему в глаза.

Он ответил абсолютно честным взглядом:

– Нет. Ни малейшего. Всё развивалось спонтанно, самым естественным образом. Поверите ли, сам удивился.

Мардж с пронзительной ясностью поняла, что он врёт, а собеседник, в свою очередь, увидел, что она догадалась.

– Не буду на вас давить, Марджори, подумайте.

Она кивнула и потом ещё несколько мгновений глядела в спину человеку, который сломал её жизнь, чтобы получить новый инструмент управления. Нет, нет, не он виноват во всём этом, точнее, не только он. Но руку приложил.

Возникло ощущение, что главный разговор сегодняшнего дня уже состоялся. Но следующий собеседник ждал своей очереди. Благообразный мужчина с повадками дородного и осанистого босса, лишившись привычных габаритов, производил странное впечатление. Неловкость он маскировал просторным плотным костюмом с ватными, как показалось Мардж, плечами. Он первым делом поинтересовался её вероисповеданием. Она считала дурным тоном обсуждение того вопроса всуе.

– Дитя, со мной не грешно поговорить о религии.

Я возглавляю Великую всеамериканскую экуменистическую церковь Христа.

«Сектант, что ли?» – подумала Мардж.

– Нет, мы не секта.

«Ой, мысли читает».

– И мыслей не читаю, но это первое, что приходит в голову людям, далёким от религиозной жизни. Многие и не заметили, что десять лет назад наряду с объединением Канады, Мексики и США в Североамериканский Союз произошло и слияние Церквей. Мы собираем под крыло истинной веры всех христиан, точнее, христианских лидеров, которые приводят за собой паству. Американские католики, протестанты, православные, иеговисты, мормоны... не стану перечислять всех, чтобы не утомлять вас. Деятельность наша не слишком явная, но уверяю, страна пережила бы Изменение с большими потерями, если бы мы не были едины...

– И чем я могу помочь в этом великом деле?

– Во-первых, заявить о своей принадлежности к христианам.

– А во-вторых?

– Не вовлекаться во всякого рода культы – ислам, буддизм, иудаизм, да мало ли кто попытается покуситься на вашу бессмертную душу из корыстных побуждений!

Мардж пообещала подумать.

«Да что же это, то в бордель, то в монастырь зазывают...»

Она выдохлась и вполуха выслушала очень серьёзных людей – энергетика, военного, ещё какого-то банкира.

В конце концов поднялась и во всеулышание заявила:

– Господа, прошу меня извинить, но я слишком устала и несколько потрясена свалившимися на меня перспективами. Сознаю, что не уделила некоторым из вас столько внимания, сколько хотела бы, но это не последняя наша встреча, обещаю. А теперь позвольте вас покинуть.

Мардж вернулась в номер и забралась в постель, собираясь хорошенько подумать обо всём услышанном, но почти сразу же заснула. Через несколько часов очнулась от собственного вопля. В обрывках кошмара, которые успела запомнить, она висела на кресте, обнажённая, до смерти боясь, что на неё накинется толпа арабов-насильников, но те споро развели костёр и начали вращать крест, как вертел, срезая с её боков поджаривающиеся кусочки мяса. Причём огонь растапливали новой книгой Мардж, и это особенно взбесило.

Встала, набросила на плечи пушистый халат – разумеется, белоснежный – и поплелась в ванную. Смыв холодный пот, вернулась к себе и обнаружила встревоженную Карен.

– С вами всё в порядке?

– Теперь – да.

– Что, напугали новые знакомые?

– В какой-то момент поняла, что, если встану у них на пути, меня уничтожат. Там были фигуры помельче и покрупней, но каждая опасна по-своему. И если не соглашусь проделывать те фокусы, которых они ждут, придётся быть очень аккуратной – раз уж не помогать, то хотя

бы не мешать. Обо всём этом нужно поразмыслить, а у меня звон в голове стоит, будто они все хором там разговаривают.

– Кажется, вам необходим массаж, чтобы отвлечься.

– Среди ночи?

– Нет ничего невозможного.

– Тогда это отличная идея.

Карен взяла телефон, но на мгновение замерла.

– Мардж – просто массаж или не только?

Она думала недолго:

– То, что называется «полная релаксация», но без секса, хорошо? И в голубом исполнении.

До прихода массажиста успела поделиться ещё одним наблюдением:

– Интересно ещё вот что: от них не исходило никаких эротических импульсов. Неужели все до одного геи?

– Вряд ли. Но тех, кто обручен с властью, другие женщины не особенно возбуждают, – ответила Карен, но тут в дверь постучали, и уже через несколько минут Мардж лежала, закрыв глаза, а сильные пальцы разминали каждую мышцу, каждый нерв, с одинаковым равнодушием прикасаясь к рукам и груди, к голени и паху. И была в их профессиональном безразличии особая сладость, от которой она быстро расслабилась и заснула, на этот раз без сновидений.

С утра читала письма, заботливо распечатанные пресс-секретарём, но ничего интереснее вчерашних предложений не нашла. Несколько оscarоносных режиссёров предложили роли, несколько баснословных богатеев – руку и сердце. И, разумеется, все обещали деньги, деньги, очень много денег.

Даже не пыталась сосчитать, сколько амеров собирались бросить к её ногам в общей сложности, но точно знала, что не сможет купить на них самого необходимого – покоя и безопасности. Между прочим, подумала, что никогда бы не вставила столь пошлой фразы в свою книжку, а вот поди ж ты. Ангелы развлекли её, с порога испуганно запричитав:

«Помним-помним – не стричь, не красить и не татуировать!» Пока они вились вокруг, Мардж просматривала текст, составленный Серджио. Рекомендовалось выразить глубочайшую

благодарность правительству и народу за внимание к её скромной персоне, призвать к миру во всём мире и продемонстрировать озабоченность экологией планеты. В финале следовало крикнуть: «Я люблю вас» и по возможности прослезиться. Выступление рассчитано минут на пять вместе с аплодисментами – дольше абсолютную безопасность не обеспечить, как объяснила Карен. Что ж, публичные речи были частью профессии, она давным-давно перестала впадать в панику перед аудиторией, как на первой встрече с читателями, когда от волнения сломала пополам ручку, приготовленную для раздачи автографов.

Но ближе к назначенному времени всё-таки встревожилась, сказалось упоминание Серджио о «миллиардах». Успокаивала себя мыслью, что перед такой толпой всего-то и нужно – улыбаться и махать, остальное они сами додумают.

Но на лифте спускалась бледная, с ледяными руками, и безупречная Карен молча набросила ей на плечи тёплый клетчатый плед. Ровно в восемнадцать ноль-ноль Мардж сбросила его на пол и вышла на балкон. Заходящее солнце ударило в лицо. Секунду она думала, что площадь пуста, – так тихо было. Но, взглянув вниз, увидела людей, а потом раздался многоголосый крик, который чуть не сбил её с ног. Казалось, можно различить каждое лицо, обращённое к ней, но в то же время глаза застилала дикая неуправляемая энергия, бьющая снизу. Она покрепче ухватилась за перила и начала:

– Я Марджори Касас.

И запнулась, потому что слова прозвучали отовсюду, затопили толпу, понеслись над городом. Она поняла – грешно сейчас произносить заготовленные речи, поэтому сказала то, что рвалось из её сердца:

– Мир изменился, а я осталась такой, как была. Я спряталась, чтобы написать свою самую главную книгу, а когда вернулась, Земля убежала из-под ног и я осталась одна на целом свете – неизменённая. Мне страшно. Но я чувствую вашу поддержку и люблю вас. Спасибо!

Она остановилась, чтобы набрать воздуха, и в образовавшейся тишине кто-то заорал: «Марджори Касас любит меня!» И следом по толпе прокатился неясный гул. Мардж улыбалась сквозь слёзы, пытаясь разобрать отдельные слова, которые постепенно подхватывали человек за человеком, и вот уже вся площадь скандировала. Через мгновение Мардж поняла, что именно:

– Сиськи! Сиськи! Покажи! Нам! Сиськи!

– О господи.

Она ещё немного постояла, недоуменно глядя на людей, потом пожала плечами, развернулась и ушла с балкона.

«Ну и дураки, боже мой, какие дураки».

Через полчаса вертолёт поднялся с крыши отеля. Мардж сидела, закрыв глаза, цепко держась за свой ноутбук. «Ничего, ничего. Всё позади. Главное, успела сказать Серджио, чтобы никаких чёртовых встреч до сентября. Пусть их дурацкий мир катится в ад, но я должна работать».

Третье потерянное письмо

Марджори, Марджори.

Вам никогда не получить моих писем. Я видел ваше лицо, видел, как вы уходите всё дальше от людей, которые превратились в стаю обезьян. Теперь ни один голос из толпы не тронет вашего сердца, слишком много стыда и отвращения испытано, и невозможно доказать, что я – не один из тысячи пляшущих павлинов. Теперь всякое внимание вызовет тревогу и гнев. И только потому, что уверен – вы этого не прочтаете, – напишу: «Я люблю вас, Марджори».

Я не подросток, увлечённый знаменитостью, и, уж конечно, не один из этих. Мне понравились книги, точные и прозрачные, такие нежные, такие женские – ваши. Я влюбился в плоды ваших рук и не смог остаться равнодушным к той, что их вырастила.

Моя самая большая мечта – чтобы вы сидели за моим столом, единственной вещью, которую я не поленился притащить из прежней университетской жизни, или в моём старом кресле, и работали. Я бы защитил вас от кого угодно. Вы – самая полная и безнадежная не встреча, которая только случалась со мной. Женщина может уехать или разлюбить, остаться только на фотографии пятидесятилетней давности. Но я никогда не думал, что бывает точно такая, как хотелось, бесценная душа, которую принимаешь сразу и всю, но живущая в параллельной реальности.

Будто мы две рыбы – скользим, одна у самой поверхности, а вторая на дне. И та, что на глубине, никогда не поднимется, а другая не опустится из-за разницы в давлении, и только по движению теней и вод они догадываются друг о друге.

Впрочем, обо мне вы даже не догадываетесь, смешно.

Храни вас Бог, Марджори, любимая.

Хьюго.

Глава 6

Например, от Мардж ждали выступления в защиту моделей и манекенщиц – среди бедняжек участились случаи самоубийств, каждая вторая нуждалась в психологической поддержке. Девочки, как редкие породистые животные, с десяти лет выращивались на жесткой диете, крошечный вес был предметом их гордости, а дюймы обхвата – визитной карточкой. За постоянные ограничения и муштру прежде они получали успех и деньги и не чувствовали себя обделёнными. Теперь эти существа стали такими же, как все, выделяясь в толпе только ростом, – но мало ли высоких девиц на свете. А на подиумы начали брать низеньких ширококостных женщин – одежда на них сидела хуже, но они казались покрепче, чем эфемерные дивы, ведь публику, прежде всего, интересовала плоть, а не наряды. Некоторые модельеры пытались сохранить верность старым идеалам, но продажи падали, и зимние коллекции спешно перекраивались с учетом массовых вкусов.

Обученные переступать по коврам на семидюймовых каблуках, бывшие богини не могли удержаться на ногах в обычной городской суете, были плохо образованны и не имели навыков выживания – точно как подрощенные элитные щенки, выброшенные на помойку. Мир обошелся с ними отвратительно, а миллионы женщин, в своё время сходявших с ума от зависти к призрачным телам, теперь могли злорадствовать сколько влезет. Девочки были ни в чём не виноваты – как нераспроданные Барби из обанкротившегося магазина игрушек, и от Мардж требовали каких-то слов, но она лишь пожала плечами – справедливости не существует.

Пришло смешное письмо от Энн – смешное в том смысле, что в нём желание использовать Мардж боролось с неодолимой потребностью её уязвить. Напоминания о долгой дружбе завершались фразой: «Но теперь, когда пришла слава, ты, конечно, не захочешь...» А профессиональные поздравления с переизданием книг не обошлись без шпильки: «Впрочем, с твоим портретом на обложке теперь можно продать всё что угодно, а я вот вышла из моды – во всех смыслах». Энн предлагала свои услуги в качестве биографа, наперсницы и, возможно, публичного представителя: «Я слышала, твоё последнее появление на людях оказалось несколько сомнительным...», и в заключение просила о встрече, чтобы «поболтать по душам».

Мардж подумала, что скорее согласится поболтать с коброй – риска быть укушенной не меньше, но, по крайней мере, знаешь, что приползёт без фотоаппарата и диктофона. Впрочем, Мардж отдавала себе отчёт, что и в ней самой скопилось немало яда: мир вызывал только бесильное раздражение, которое разъедало душу и застило глаза, заставляя видеть лишь дурное. Кругом были *они* – какие-то надоедливые они, алчные, завистливые, похотливые, хитрые, бесчестные, тупые... Мардж накручивала определения и не могла остановиться. Ощущала, что с каждым словом всё хуже и хуже становится почему-то именно она, будто её отравляет собственная злость.

Ночами донимали сны, в которых приходилось отбиваться от длинных чёрных рук, и часто, уже проснувшись, она успевала заметить, как тьма неторопливо втягивает шупальца обратно – до поры.

Днём по-прежнему уходила в холмы, но ни радости, ни освобождения больше не чувствовала. Не бегала, не падала навзничь, разглядывая облака, – слишком часто замечала в отдалении отблески объективов (биноклей или фотокамер, подсматривающих или охраняющих). Сидела, завернувшись в шаль, издали похожая на горку камней, и в самом деле чувствуя себя маленьким курганом, остатком вымершей цивилизации. Закрывала глаза, потому что ничего не хотела видеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.